

СЕВАСТОПОЛЬ

В ОГНЕ

КОРАБЛЬ И КРЕСТ

Они умели
воевать и на суше, и на море

ЮРИЙ СУХОДОЛЬСКИЙ

Юрий Суходольский
Севастополь в огне.
Корабль и крест
Серия «Боевая хроника.
Романы о памятных боях»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67254611

Эксмо;
ISBN 978-5-04-166322-3

Аннотация

Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги солдат и командиров – война, как она есть на самом деле. Подлинность событий нашей недавней истории.

1854 год. В Крыму англо-французский десант готовится захватить русский порт Севастополь и оккупировать полуостров. Команда пластунов хорунжего кубанского казачьего войска Григория Били получает задание проникнуть на английский фрегат, выкрасть секретные документы и вывести судно из строя. Смельчаки выполняют опасное задание, прихватив заодно и ценную личную вещь начальника английской разведки. С началом боевых действий разъяренный англичанин организует

настоящую охоту на хорунжего Билю. Чтобы противостоять захватчикам, отважные разведчики каждый раз по-новому применяют свое необычное боевое мастерство...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Юрий Суходольский

Севастополь в огне.

Корабль и крест

Часть первая

Стилет

1

Дувр, Англия

Сильные, красивые женские руки поспешно разорвали конверт, и ветер тут же унес его.

Кэтрин прочитала несколько строк, на секунду подняла голову, поправила шлейф синей амазонки, сдвинула брови и снова погрузилась в чтение письма. Порыв ветра пронесся над темно-зеленой травой высокого мелового берега, растрепал гриву вороного коня по кличке Баярд и умчался к морю, катившему вниз серые волны в белых барашках пены.

«Дорогая Кэтрин, я не знаю, когда найдет тебя это письмо. Я поручаю заботам капитана нашего военного судна, встреченного мной по пути в Татарию. Дело, которому я посвятил

лучшие годы своей жизни, входит в самую решительную фазу. Ты хорошо знаешь, что от его успеха зависит вся наша будущность. Сейчас или никогда! Кэтрин, я верю, что Бог не оставит нас».

Новый порыв ветра выхватил письмо из рук девушки, оставил маленький уголок бумаги между ее большим и указательным пальцами. Подбросив листок вверх, ветер тут же снёс его под обрыв, к морю.

Кэтрин свистнула, и Баярд широкой иноходью помчался к хозяйке. Он еще не успел остановиться, как она взлетела в седло, дала шенкеля и понеслась вниз по склону.

Кэтрин ни на минуту не опустила голову, пытаясь удержать взглядом белый лист письма. Ее руки словно сами по себе умело направляли движение коня там, где это было необходимо.

Она выскочила на пляж и резко осадил Баярда. Письмо уже летело высоко над морем. Досада на мгновение перекосила энергичное лицо девушки. Кэтрин подняла Баярда на дыбы и снова с диким криком бросила его в галоп по самой кромке прибоя.

Черкесский аул, Кавказ

На дне земляной тюрьмы лежала большая охалка гнилой соломы. Федор Чиж сидел на ней и наигрывал на самодельной скрипке щемящий старинный мотив.

Немногочисленные ноты простой мелодии то собирались

вместе, то разлетались куда-то далеко. Это была песня про любовь, ту самую горячую казацкую «любову», от которой разом закипает кровь и нет никому спасения.

Чиж вроде бы был полностью поглощен своим делом, но его полузакрытые глаза отчетливо увидели тень, мелькнувшую на стене зиндана. Он оборвал мотив и поднял голову вверх, к солнечному кругу.

По стене снова прошла тень, и к ногам Чижа упал конец веревки. От неожиданности он замер, потом осторожно подергал за нее и убедился в том, что она держалась крепко.

– Чего ждешь? – спросила девушка на черкесском языке и снова мелькнула у края как встревоженная птица.

Чиж вскочил на ноги, еще раз дернул за веревку, подвязал на пояс скрипку и быстро полез наверх, раскачиваясь и упираясь ногами в каменистые стенки зиндана.

Веревка была привязана к двери амбара, стоявшего на краю аула. Глинобитные сакли этого селения укрывались плетеными изгородями, лепились по склону горы, расходились тремя узкими улицами в разные стороны. У коновязи, устроенной рядом с самым богатым и большим домом, перебирали копытами несколько лошадей. Чиж сразу заметил, что две из них были оседланы не так, как это делают черкесы.

Он мгновенно осмотрелся и только теперь увидел у изгороди молодую черкешенку. Представительницы этого народа славились своей красотой на весь Кавказ, но та девушка, которая сейчас стояла перед Чижом, гордо выпрямившись и

глядя ему прямо в глаза, была просто ослепительна.

– Спасибо, сестра! – сказал Чиж и поклонился ей в ноги. Он говорил на кумыкском языке, который так или иначе понимали все жители Кавказа.

– Беги, Иван! Ты хорошо играл. Как замирился, приходи еще.

– Да исполнятся все желания твоей души! Как зовут тебя?

– Маликат.

– Я не забуду твоего имени! – сказал Чиж, еще раз поклонился, перепрыгнул через изгородь рядом с Маликат и растворился в высокой траве за саклями.

Федор Чиж был пластун, потомок запорожских казаков, переселенных Екатериной Великой на Кубань. Они сразу оценили все преимущества одежды и оружия местного населения и за полвека соседства с горцами стали почти неотличимы от них. Это, конечно, не касалось их чисто славянских лиц и родной речи. В бесконечных военных столкновениях обе стороны охотно перенимали и боевые приемы друг друга.

Пластуны вырастали в плавнях, заболоченных притоках реки Кубань, которые являлись естественной границей их земель. Здесь они с детства учились бесшумно передвигаться, стрелять на «хруст» в свирепых кабанов, переполнявших заросли высоченного камыша, уходить от подранков, не бояться гнуса и жары летом, промозглого холода зимой. Эти

навыки передавались от отца к сыну и постоянно использовались в настоящей боевой работе.

Чиж обходил аул по задам, двигаясь бесшумно, как большая кошка. Изредка он замирал, реагируя на малейший отенок звука, который мог нести в себе опасность.

Неожиданно Чиж увидел то, что заставило его распластаться на земле. На крыше той самой большой сакли, у которой потряхивали богатыми уздечками лошади гостей, приехавших в аул, лежал человек. В руке у него был зажат кинжал, лезвие которого прикрывал широкий рукав черкески, чтобы предательский солнечный луч не блеснул на нем и не выдал охотника. Лицо человека было покрыто пылью, сзади за поясом из полотняной кобуры торчала изогнутая ручка персидского пистолета.

Увидеть этого воина, приготовившегося к нападению, можно было, пожалуй, только с одной точки, расположенной в стороне от аула, где и оказался Чиж. Но все равно это была ошибка, причина которой явно заключалась в недостатке опыта.

Был ли это пластун или кавказец, явившийся сюда, чтобы взять долг крови, понять отсюда было трудно. Чиж только покачал головой и подумал, не обьелся ли белены этот «герой», который полез на такое дело среди белого дня. И что это все-таки за лошади со странными седлами? Чиж никак не мог припомнить, видел ли когда-нибудь такие.

Теперь он заметил и часового. Тот стоял на другой стороне сакли, прямо напротив места, где какой-то человек караулил на крыше свою жертву.

В это время дверь отворилась, и из нее вышел черкесский воин. Кроме кинжала все его оружие, видимо, осталось в кунацкой, – комнате для приема гостей. Там уже было шумно. Гул голосов на мгновение пропустила хлопнувшая дверь. Человек на крыше бесшумно передвинулся и приготовился к прыжку.

Чиж теперь видел и движение часового, который вдруг решил обойти саклю кругом. Казак даже приподнялся, чтобы посмотреть на развязку этого дела. Все это ему было на руку потому, что назревала замятня, в которой до него, Федора Чижа, никому не было бы никакого дела.

В тот момент, когда черкес стал развязывать мотню на штанах, человек прыгнул с крыши. Федор увидел, как его кинжал вошел за ключицу воину по самую рукоятку еще в тот момент, когда он только падал на землю. Убийца еще в прыжке успел зажать черкесу рот и покатился с ним на землю, так что часовой, находившийся уже шагах в двадцати от места событий, за углом сакли, ничего не услышал. Человек с крыши что-то быстро срезал с руки черкеса, поднял голову и прислушался.

Чиж наконец-то рассмотрел черты его лица, огляделся, сорвал с пояса скрипку и кинул ее в сторону часового. Она ударилась о камень у него за спиной, жалобно тренькнула

всеми струнами и отскочила в кусты. Часовой остановился, обернулся, с удивлением посмотрел по сторонам, но ничего не заметил.

В это время человек с крыши выскочил из-за сакли и побежал вниз по склону. Ему не хватило всего нескольких шагов, чтобы уйти из поля зрения часового, который все-таки заметил его краем глаза.

Часовой мгновенно вскинул винтовку, приложился и выстрелил. С головы человека, напавшего на черкеса, слетела папаха, сам он опрокинулся, но тут же вскочил и бросился дальше, вниз по склону.

Чиж подался в противоположную сторону и исчез.

На выстрел из сакли выскочили люди. Первым был воин огромного роста с длинным кинжалом в руке. Часовой подбежал к нему, указал на труп и ткнул рукой в ту сторону, куда убежал убийца. Здоровяк склонился над телом и приподнял его правую руку. На месте большого пальца зияла кровоточащая рана.

Воина, сейчас державшего в своей руке руку жертвы человека с крыши, звали Али. На его большом пальце было видно массивное медное кольцо, почти вросшее в плоть. Видимо, за таким же и приходил убийца.

Али выпрямился и сказал воинам, обступившим его:

– Это русский. Из пластунов. Пойдет к плавням!

Черкесы уже разгоняли лошадей и прыгали в седла, когда из сакли вышел черкесский князь, господин этих мест.

За ним держался стройный европеец с льдистыми голубыми глазами.

Проводив взглядом погоню, он обернулся к князю и очень чисто сказал по-черкесски:

– Пусть Бог повернется к вашим делам правой стороной!

Европеец вскочил в седло и направил коня в сторону, противоположную той, куда с гиканьем и свистом умчалась погоня. В его прозрачных глазах светилась радость, бесконечная, как небо.

Черкесская погоня рассыпалась по склонам, отсекая беглеца от плавней. Время от времени Али поднимал руку. Тогда все останавливались и прислушивались, но кроме шелеста деревьев и недалекого кваканья лягушек ничего не могли разобрать.

Человек с крыши, которому при ближайшем рассмотрении нельзя было дать больше шестнадцати лет, уходил от черкесов быстро и бесшумно, словно просачиваясь между кустами и деревьями. Ногу он ставил с пятки на носок и мгновенно переносил вес тела, если под ступню попадала сухая ветка. Человека этого звали Яков. Он был единственным сыном есаула казачьего кубанского войска Григория Били.

Яков выскочил к небольшому озерцу и в ужасе замер. Лягушачий хор при его приближении начал заметно затихать.

На другой стороне озера, на склоне горы Али и его хеджреты сразу остановили коней. Али поднял руку и при-

слушался. Хор лягушек явно становился все слабей.

Яков замер и вдруг издал мастерское кваканье. Лягушачий хор радостно возобновил свои песни, но было уже поздно. Опытное ухо Али уловило этот перебой. Черкесы снова пустили коней и стали обходить озеро с обеих сторон.

Лошадиное копыто сбило росу с травы, едва не задев Чиж, который лежал на боку под кустами и доплетал из коры некое подобие веревки. Он пропустил всадника, вскочил на ноги и бросился по гребню склона ему наперерез. Чиж выбрал нужную точку и сходу прыгнул на круп лошади черкеса. Накинув ему на шею веревку, он мгновенно задушил его. Казак сбросил всадника с седла и помчался вслед за остальными черкесами.

Яков уже слышал слева и справа от себя треск кустов, сминаемых черкесскими всадниками, когда перед ним открылась небольшая поляна. Примерно в версте за ней в просветах между деревьями блеснула излучина Кубани. Опытный пластун никогда не рискнул бы в такой ситуации выскочить на открытое пространство, но Якову было всего шестнадцать лет, и он решил, что успеет.

Пластун сделал рывок по высокой росистой траве, оставляя за собой серебристую примятую дорожку. С обеих сторон поляны тут же показались черкесы, и над их головами зажужжали узкие полоски шашек.

Теперь Якову оставалось только дорого продать свою жизнь. Он встал на колени, выхватил из кобуры пистолет и

выстрелил в ближайшего всадника. Черкес тяжело покачнулся и рухнул на траву.

Яков выхватил кинжал и бросился к краю поляны, стараясь любой ценой уйти с открытого пространства. Всадники были уже рядом. Мелькнула шашка, удар которой, нанесенный опытной рукой, легко разваливал человеческое тело наискосок – от плеча до поясницы.

Яков неуловимым движением ушел от атаки, прокатился по земле и оказался под лошадью, наскочившей на него. Он по самую рукоятку всадил кинжал под седло, одновременно срезая подпругу. Этот удар когда-то показал ему отец. Лошадь даже не заржала, а издала почти человеческий вопль отчаяния и боли. Она сначала встала на дыбы, а затем рухнула на колени, стряхнув в траву своего седока.

Яков едва успел проскочить на другую сторону, но здесь его снова встретил удар. На этот раз шашка снесла с его плеча вместе с тканью и лоскут кожи. Бежать Якову больше было некуда.

Всадники кружили вокруг него и по команде Али убрали шашки, решив взять его живым. Вдруг одного из черкесов бросило в сторону – его лошадь испугалась агонии той, которую убил Яков.

Пластун мгновенно сделал движение в сторону свободного пространства, открывшегося для него, но оттуда на него уже несся еще один черкес, видимо, отставший от погони. Этот всадник вдруг одной рукой подхватил Якова с земли

и закинул за собой на круп лошади. Все это произошло настолько неожиданно, что Чиж – а это был он – успел скрыться в зарослях, окружающих поляну, прежде чем черкесы что-либо поняли.

Когда они снова устремились в погоню, из леса грянул выстрел и сбил одного из них в траву. Черкесы отскочили на другую сторону поляны и скрылись в лесу, начиная обходить беглецов справа.

Али взвел тугой курок на своей винтовке тем самым кольцом на большом пальце, которое и казаки, и абреки носили всю жизнь. Оно так и называлось – «взводное». Али привстал в седле, замер, и, несмотря на бешеную скорость его вороного коня, выстрелил. Тяжелая медная пуля срезала ветку над головой Чижа.

Он оскалился от напряжения и, не поворачивая головы, выкрикнул:

– В плавни вскочим, разделимся. Я спрыгну и уведу их, а ты на Настину протоку жарь, но дай круга на Ржавый мыс. Я их перейму!

– Понял, Федор Семенович!

– Кинжал дай мне! – снова прокричал Чиж.

Расстояние между преследователями и пластунами стремительно сокращалось. Новая пуля разорвала луку седла, содрала кожу с шеи коня и ударила в ствол дерева. Конь дернулся было вправо, но умелая рука Чижа мгновенно бросила его обратно на тропу.

– Куда, анафема черкесская!

Чиж и Яков наконец-то влетели в плавни, и перед ними стали разбегаться большие и малые тропы. Чиж выбрал самую широкую из них, уходящую по большей дуге влево, и тут же спрыгнул на ходу в самые заросли. Яков забрал поводья, дал шенкеля, и конь, которому стало намного легче, рванул вперед.

Черкесы успели заметить, куда в этом лабиринте направил своего коня Яков, и погнались за ним. Из-под копыт лошадей теперь летели комья жидкой грязи, покрывая спины всадников черной коркой.

Чиж бежал через камыши по прямой, обрезая дугу. Он быстро оказался далеко впереди Якова и погони за ним. Чиж вытащил кинжал и стал быстро подрезать лозу дикого винограда, оплетающую невысокие кусты, растущие у края тропы.

Ни пластуны, ни черкесы не подозревали, что их прекрасно видел человек, сейчас сидящий на дереве, в люльке из ветвей, сплетенных между собой. Его звали Емельян Вернигора, и он смотрел на происходящее через прицел своего литтихского штуцера. Это было лучшее для своего времени нарезное оружие, произведенное на бельгийских заводах.

Тем временем Яков проскочил то место, около которого Чиж резал лозу и мгновенно ушёл за поворот тропы. Чуть в стороне, не видимый для Али и его людей, встал на одно колено Чиж. Вместе с ним с тропы поднялись и перегородили

ее на уровне лошадиного колена виноградные лозы, спутанные между собой. Чиж мгновенно обмотал их вокруг пня, взял концы в руки, сел рядом и уперся ногами. Страшная сила тут же рванула его вперед, и на тропе закувыркались черкесские лошади, сбрасывая седоков в грязь.

Не успел Чиж бросить лозу и откатиться в заросли, как раздался далекий выстрел. Штуцерная пуля разнесла череп черкеса, который пытался успокоить и вывести из толчеи коня.

Вернигора закинул дымящийся штуцер за спину, слетел с дерева и побежал, на ходу доставая новый патрон из газыря.

Засада, которую организовал для черкесов Чиж, все-таки не смогла уберечь Якова от погони. Пуля ударила в заднюю ногу его коня, перебила сухожилия, вторая попала в шею. Он всем скаку перевернулся через голову, свалился набок, придавил седока и забился в агонии. Яков с отчаянной силой пытался освободить ногу из стремени, но от резкой боли у него вдруг потемнело в глазах.

Когда мрак прошел, черкесы уже спокойно спешили, решив, видимо, взять Якова живым. За такого молодца родители не пожалели бы огромного выкупа.

Плавни за спиной у Якова зашевелились, заставив замереть его и черкесов. Вместе с Вернигорой, на ходу примыкая штыки к штуцерам, на помощь Якову бежали его отец Григорий Биля и Николай Кравченко.

Появившись на тропе, пластуны тут же заняли батальное

положение: они сомкнулись, Вернигора опустился на колени, а Биля и Кравченко остались стоять, мгновенно вскинув штуцера. Залп выхватил трёх человек из толпы хеджретов, породив в ней смятение скоростью, с которой всё это произошло.

Пластуны мгновенно ушли с тропы в камыши на пережарядку. Скорость, с которой они вогнали новые пули в стволы, поразила бы воображение каждого, кто попытался бы это сделать вслед за ними.

Прежде чем черкесы начали спешиваться, еще три пули поразили цели. От черкесского отряда осталось чуть больше половины. На каждого пластуна приходилось теперь четверо, но они мгновенно бросились вперёд и ударили в штыки.

Где-то вдалеке раздался пушечный выстрел, и тут же зазвучал набат.

Али и его черкесы с визгом, раскручивая шашки над головой, бросились навстречу пластунам. Завязался рукопашный бой, всегда распадающийся на отдельные поединки.

Биля сразу оказался перед Али. Казак почти не уступал черкесу в росте, но был легче и подвижней. Первым же движением штыка он выбил шашку из рук черкеса, но тот легко увернулся от второго и одним движением могучей руки вырвал штуцер у пластуна. В руках Али блеснуло лезвие его любимого оружия – пистолета, ствол которого завершался коротким треугольным клинком. Выстрел не достал Билю. Каким-то почти сверхъестественным образом он ушел в сто-

рону и вниз. Но Али успел сбить его с ног и подмять под себя. Клинок медленно, но неотвратно пошел к горлу казака.

Кравченко успел заколоть штыком одного из трех черкесов, нападавших на него, но его сильно теснили двое других. Туго пришлось и Вернигоре, который тоже дрался с тремя противниками.

Клинок Али уже почти достиг горла Били, но тому все-таки удалось отбросить от себя черкеса. Он откатился в сторону, вскочил и достал из-за спины странное оружие, вид которого на мгновение привлек внимание Али.

Это был пистолет с очень широкой средней частью и взводным курком, расположенным не сбоку, как обычно, а где-то сзади. Посередине в этом невиданном оружии вдруг что-то повернулось, и раздался резкий звук выстрела.

Пуля с огромной силой отбросила Али назад. Под выстрелами Били тут же упали еще трое черкесов, наседавших на Вернигору и Кравченко. Остальные резко подались назад. Биля убрал револьвер обратно в кобуру за спиной, поднял свой штуцер, откатился назад и залег за убитым конем Якова.

Не говоря ни слова сыну, Биля перезаряжался, когда рядом с ним упали на землю Кравченко и Вернигора, залитые своей и чужой кровью. Пластуны вгоняли пули в штуцера, поглядывая в сторону черкесов. Но те уже подались назад, поднимали с земли свое оружие, вскакивали в седла и уходили врассыпную в сторону гор.

Али змеей быстро уползал в камыши. Через прореху в его одежде, пробитую на плече, была видна тончайшей работы кольчуга, которую заливала кровь.

На поле боя теперь оставались только несколько тяжело раненных черкесов.

Пластуны освободили Якова, но опереться на ногу он не мог, резкая боль пронзала лодыжку и колено.

– Батя, нога!

Из кустов с противоположной стороны поляны появился Чиж, мокрый до нитки.

Это обстоятельство, видимо, нисколько не испортило ему настроения, потому что он сразу же довольно весело прокричал:

– Ахти мне, не успел!

– Федя, где купался? – совершенно спокойно спросил его Кравченко.

– Недосуг баять, Николай Степанович!

– Они с Яшкой вместе бежали. Я их с дерева, из залого, видел, – тихо сказал Вернигора Биле, который своей могучей рукой поддерживал Якова.

– Сиди пока, – бросил отец сыну.

Тем временем Чиж быстро, но осторожно двигался по полю боя. Раны у черкесов были тяжелые, но лекари горцев в то время умели больше, чем медики так называемых «просвещенных» стран. Кавказ не знал ампутаций, гнойных заражений и много чего другого, приводящего к ужасающей

смертности в европейских больницах. Однако сейчас раненные лежали на земле своего врага, и надежды на жизнь для них оставалось мало.

Рядом с одним из черкесов Чиж наметанным взглядом заметил отличную шашку, которую не успели забрать люди Али. Завидев Чижа, раненный черкес из последних сил приподнялся на локте и разбил её клинок о ствол своей винтовки.

Он попытался было разбить у нее приклад, но этого Чиж уже не допустил, перехватил руку черкеса и грозно сказал:

– Не порть!

В это время к пластунам галопом подошел конный отряд.

Один из головных казаков спешил, шагнул к Биле и спросил:

– Григорий Яковлевич, чи все целы?

– Да, трошки порезались только.

– Сила этот револьвер. Без него они нас разутюжили бы! – спокойно проговорил Кравченко, вытирая со лба кровь.

К ним подошел Чиж, обвешанный трофеями.

– А я смотрю, Федя, ты, как всегда, при деле, – с легкой насмешкой сказал ему Биля.

– Потом сами спасибо скажете! – заявил Чиж. – Вот я припоздал малость, и один чертов сын успел настоящую гурду расколотить! – Он горестно вздохнул и показал Биле рукоятку шашки со знаменитым клеймом на осколке клинка.

– Раненых черкесов заберите на пикет, – приказал Биля.

Придут за ними – своим отдайте.

2

Черноморское побережье Кавказа

Паровой фрегат «Таиф» стоял на якоре недалеко от кавказского берега Черного моря, в пятнадцати милях к востоку от Геленджикского укрепления Черноморской береговой линии.

Кроме рулевого матроса и капитана, на мостике «Таифа» находился боцман, похожий на циркуль, в просторечии именуемый козьею ножкой, который воткнули в чертежный стол. Природа одарила Джекила удивительной, почти идеальной кривизной нижних конечностей.

Однако самым интересным человеком из тех, кто собрался сегодня на мостике «Таифа», был четвертый. Если кого поначалу и могла ввести в заблуждение сутана протестантского пастора, то при внимательном рассмотрении становилось ясно, что это человек серьезный и начисто лишенный сантиментов. Глубоко посаженные глаза, лысый череп и морщинистая шея делали его похожим на большую ящерицу. Но у этой был весьма энергичный и жесткий взгляд, не суливший ничего хорошего ее врагам.

Его звали Уинстон Слейтер. Наверное, стоит сказать, что он был не просто человеком своего времени, но и опережал его. Слейтер являлся военным советником, причем весьма

квалифицированным. До того, как на его сутулой фигуре появилась протестантская ряса, он служил наемником в армиях многих мелких европейских государств, самых неразборчивых на средства подавления внутреннего инакомыслия.

Одновременно Слейтер был крупным коммерсантом, причём совершенно беспощадным. Вексель с надежной передаточной надписью в системе ценностей Слейтера многократно перевешивал любую человеческую жизнь, будь то женщина или ребенок, особенно если последним не повезло с цветом кожи. Впрочем, и самым чистокровным аристократам не приходилось ожидать от него милости, особенно если они покушались хотя бы на один шиллинг из тех, что имелись в его кармане.

Уинстон Слейтер был настолько темного происхождения, насколько оно вообще может быть таковым. Но его солидный капитал давно заткнул рты тем правдоискателям, которые пытались вслух вспоминать о том, что его мать была простой портовой шлюхой.

Слейтер был жесток, смел, расчетлив, приближался к пятидесяти годам и все чаще подумывал о женитьбе. Идея покоя и семейного уюта с некоторых пор получила для него особую привлекательность, в детали которой Слейтер в силу своего беспокойного характера пока еще не успел хорошенько вникнуть.

В руках у Слейтера была подзорная труба, но и без нее он сразу же увидел одинокого всадника, который показался

среди сосен, торчащих на склоне горы, прямо напротив «Таифа».

Однако Слейтер все-таки вскинул подозрительную трубу и, не отрывая ее от правого глаза, коротко бросил:

– Капитан, к нам мистер Ньюкомб собственной персоной!

Всадник тем временем выехал на галечный пляж и остановился.

«Таиф» подошел к берегу ровно настолько, насколько позволяла его небольшая осадка. Ньюкомб сам провел своего коня, беспокойно перебирающего ногами, по мосткам, сброшенным прямо в море, и тут же властно бросил поводья в лицо моряка, подбежавшего к нему.

Мостки были убраны, якорная цепь натянулась как струна, тут же ослабла и стала уходить в клюз под гудение мощной лебедки. Якорь показался из воды, и в то же самое мгновение из трубы «Таифа» повалил черный угольный дым.

Генри Ньюкомб на своих длинных ногах уже поднимался через ступеньку к капитанскому мостику. Он поприветствовал всех энергичным кивком, повернулся в сторону Слейтера и уперся в него прямым холодным взглядом.

– Мистер Ньюкомб, мы рады вас видеть здоровым и невредимым после вашего очередного путешествия к дикарям! Надеюсь, что хотя бы на этот раз вам сопутствовала удача, – размеренно проговорил тот.

Зрачки Ньюкомба, похожие на голубые льдинки, свети-

лись задумчивым торжеством.

– Приветствую вас, джентльмены! Мистер Слейтер, мы могли бы немедленно поговорить наедине? – спросил он.

«Таиф» круто развернулся от берега и взял курс в открытое море. Черный угольный дым из его трубы кошачьим хвостом тянулся по ослепительно синему небу.

Слейтер предупредительно открыл перед Ньюкомбом дверь и галантно пропустил его перед собой. Ньюкомб прошел в кают-компанию, достал из-под плаща какой-то продолговатый предмет и бросил его на стол. Это был стилет с инкрустированной рукояткой и трехгранным клинком отличной работы.

Ньюкомб обернулся, торжествуяще посмотрел в глаза Слейтеру и спросил:

– Вы когда-нибудь видели оружие ценой в пять миллионов фунтов стерлингов? Если нет, то взгляните на него!

Казачья станица, кубанское предгорье Кавказа

Обстановка в доме Били была проста, но каждую вещь, находящуюся здесь, можно было долго рассматривать. У стены стояла массивная кровать с резной спинкой, над ней красовался дорогой турецкий ковер. Оружие, развешенное на нем, вызвало бы завистливое внимание самого тонкого знатока. Любой кинжал, шашка или пистолет, не говоря уже о винтовках, были редкой, первоклассной работы.

Чрезвычайная простота отделки этого оружия только под-

черкивала его боевые качества. Здесь не было ничего избыточного, каждый грамм лишнего веса был удален. Великолепная серая сталь клинков и стволов словно дымилась на фоне синих и красных цветов ковра. Конская сбруя, плети, бурки и башлыки на стенах были, как и оружие, самой лучшей работы.

Низкий стол был всегда застелен чистойшей белой скатертью, а на широких черных скамьях лежали шитые подушки. В красном углу на почетном месте сияла икона великомученика Евстафия Плакиды в дорогом окладе. Святой покровитель пластунов замер перед оленем, вышедшим к нему из леса, между рогами которого пылал в лучах закатного солнца Христос, распятый на кресте.

Далеко не в каждом станичном доме можно было увидеть большой шкаф красного дерева с книгами по медицине, военному делу, журналами по разным отраслям знания, в том числе и на французском языке. На его верхней полке стояли небольшой телескоп и астролябия.

На скамье сидел Яков. Одна штанина у него была закатана, нога покоилась в медном тазу с теплой водой. На коленях перед Яковом стояла казачка лет тридцати с небольшим. Ее жгучая, яркая красота была разлита не только в синих глазах, точеных чертах лица, очертаниях шеи и плеч, но и в каждом движении ее руки, которая сейчас губкой промывала глубокую ссадину на ноге сына, в черной косе, опустившейся на пол и казавшейся еще темнее на фоне белой кожи. Это была

Ольга, мать Якова и жена Биля.

Низкая дверь хлопнула, и в горницу тяжело ступил хозяин дома. Ольга при его появлении бросила губку в таз и поднялась на ноги.

Биля молча смотрел на сына, словно ожидая от него ответа. Яков достал из поясной сумки пропитанный кровью платок и кинул его на скамью так, чтобы он развернулся. На тряпке лежал большой палец с широким медным кольцом, вросшим в него.

Ольга бросила взгляд на платок и сразу отвернула голову.
– Мать, выйди, – спокойно сказал Биля.

Ольга молча забрала таз с кровавой водой и пошла к двери. На пороге она попробовала задержаться, но муж одним взглядом повторил свою просьбу. Ольга толкнула спиной дверь и вышла в сени.

Отец и сын остались в горнице вдвоем. Биля подошел к стене и снял с нее тяжелую плеть, рукоятка которой была окована серебром.

– Батя, за что? – спросил Яков.

– Али не знаешь? Кутерьму какую поднял на весь курень! Рано тебе пластуном-то зваться!

Яков опустил глаза, сбросил со скамейки платок с отрезанным пальцем и лег на нее. С его ноги закапала на глинобитный пол розовая вода.

– Не гордись, сын, не ходи днем, знай пластунскую погоду! – проговорил Биля, дважды сильно ударил Якова плетью

и повесил ее на место. – Ладно, будет с тебя.

Ольга облегченно вздохнула и сдвинулась со своего наблюдательного пункта, расположенного за дверью. Она сделала это совершенно бесшумно, но Биля заметил её. Это была даже не улыбка – просто что-то изменилось на секунду в его серых глазах. Словно порыв ветра пробежал по глубокой воде озера и сразу стих.

Яков приподнялся, сел на скамью и едва заметно поморщился от боли.

– Запомни, лисий хвост – волчья пасть. Не видели, как пришел, не чуяли, как ушел. Дай ногу посмотрю, – сказал Биля и, как только что Ольга, опустился перед сыном на колени.

Увидев, что гроза миновала, мать вошла в хату и остановилась на своем обычном месте, рядом с печью.

Биля умелым движением пальцев прошел по ноге до колена. Яков снова поморщился.

– Здесь? – спросил отец.

Тот согласно кивнул.

– Сегодня мазь сделаю. Травки у меня собраны. В две недели здоров будешь, – сказал Биля. Ольга кивнула на отрезанный палец, лежащий на глинобитном полу: – Дрянь-то эту выкинули бы со двора!

– Выкинем. Дед его головы по четырнадцатому году из-за Кубани-то носил. А он только вот кутерьму подымает... – Биля обернулся к Якову и задумчиво заметил: – Кольцо

взводное прибереги.

На небольшой деревянной подставке, воткнутой в недавно оттаявшую землю, белело куриное яйцо. Над станицей гудел благовест. На всем скаку шагах в десяти от подставки пронесся на кауром жеребце Вернигора с пистолетом в руке. Он выстрелил, и яйцо разлетелось, окрасило желтым и белым черную проталину.

Из церкви выходили толпой нарядные казаки и казачки, среди них и Биля с Ольгой.

По станичной площади тем временем летала на дорогах, многосотенных конях куренная молодёжь. Первым среди них был Яков.

Вдруг из толпы выступила зеленоглазая румяная девушка с русыми косами и кинула перед ним сильной рукой серебряный рубль.

Яков поднял серого коня на дыбы, гикнул, заложил круг в сторону от упавшей монеты и понесся к ней на глазах у всей станицы. На всем скаку он упал в седле на сторону, подхватил с земли серебро, подбросил его в воздух, тут же выхватил пистолет и выстрелил. Монета взвизгнула и как бабочка порхнула в сторону.

Одобрительный гул прокатился у церкви. Ольга счастливо глянула на мужа. Тот вдруг обнял ее и поцеловал.

К ним спешил Кравченко, разодетый в лучшее, что только нашлось у него в доме.

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес!

Кравченко солидно, неторопливо похристосовался с Билей, потом с Ольгой, кивнул в сторону Якова, который замер на своем скакуне в толпе станичной молодежи, и сказал:

– Молодец сынок у вас!

Яков уже снова неся по площади. На дальнем его краю он резко осадил коня, прыгнул с него, уложил на землю, положил винтовку на седло и выстрелил. Он тут же поднял коня, вскочил на него и послал боком, иноходью, наискосок через площадь.

– Как пришитый! Конь-то хорош! Самый шолох! – сказал Кравченко, сразу отмечая все достоинства этой знаменитый на весь Кавказ породы.

– Подарок мой за отличное учение. Первым идет в войсковом училище! – с гордостью ответил ему Биля.

Ольга улыбнулась, поклонилась Кравченко и спросила:

– Что ж, Николай Степанович, на хутор к нам будете нынче али нет?

– Как же, Ольга Васильевна! Давно зван, помню!

– Вот и слава богу! – подхватил Биля. Эх, день-то какой! Дал бы Господь весну дружную, отсеялись бы рано!

– Пшеницу я дивную раздобыл, как с повесткой в Екатеринодар прибегал! Десять зерен в ряд на ладони умещаются, никак не больше! Только как бы какого другого сева нам не было, – произнес Кравченко.

– О войне молва идет по станицам?

– Что греха таить, пошел такой разговор. Газету тоже читаем. Дьявол этот Пальмерстон так и наскაკивает на Русь! По куреню батуринскому с домово́й льготы уже отозвали! – сообщил Кравченко о том, что часть казаков кубанской линии уже перешла на казарменное положение.

В стороне от церкви, задрав голову к куполам, стоял московский купчик в добротном полушубке и собольей шапке с красным верхом. За его спиной молнией мелькнули на конях Яков и Вернигора. Купчик схватился за обнаженную голову. Яков привстал в стремях и подкинул шапку едва ли не к самым куполам. Разом вдарили две винтовки. Под хохот толпы к ногам купчика полетели ошметки бархата и соболинных хвостов.

Снова затрезвонили колокола. Праздничная толпа потекла по улицам, смешивая снег и грязь. Где-то высокий женский голос завел песню. Через мгновение ее подхватили сотни станичников.

Али увидел излучину Кубани, а еще дальше за ней, почти у самого горизонта – кресты станичной церкви. Колокольный звон доносился сюда еле слышно, как шорох. Рядом с Али перебирал поводья Иса, его боевой друг и троюродный брат.

Али внимательно смотрел на кресты церкви, на берег реки и на плавни, раскинувшиеся на той стороне реки.

Всадники стояли за его спиной и ждали.

Наконец-то Али обернулся к ним и сказал:

– Здесь разделимся. Вы делайте все так, как я сказал!

– Хорошо. Да вернешься ты целым и здоровым!

Али еще раз взглянул в сторону Кубани и направил коня прямо на кресты станичной церкви.

Ударили друг о друга старинные кубки в руках у Били, Кравченко, Чижа, Якова и Вернигоры. Стол ломился от еды. Чего здесь только не было! Баранина, свинина, каша, пироги и полуведерные кувшины с вином.

Биля выпил и завел старинную казачью боевую песню. Пластуны подхватили ее, пели хорошо, на разные голоса.

Ольга слушала их стоя, закрыв глаза и покачивая головой.

Когда песня оборвалась, Биля с любовью посмотрел на свою хозяйку и сказал:

– Садись с нами.

Семнадцать лет жили они душа в душу, с того самого дня, когда пятнадцатилетняя Ольга и двадцатипятилетний Биля взялись за руки и, осыпаясь хмелем, вошли в этот дом.

Ольга села рядом с мужем, подперла щеку рукой.

Яков встал, чтобы разлить вино. Вернигора чуть-чуть подцепил его под столом за ногу, и тот из-за спины погрозил ему кулаком. Вернигора был старше Якова на пять лет, но дружили они с детства.

Биля заметил это баловство и покачал головой. Такие пар-

нищи, быка могут сшибить, в рубль на скаку влет без промаха бьют и поди ты, как дети малые.

– Я все спросить хочу, Федор, как ты в зиндане-то оказался, – бросил он через стол Чижу, повернулся к Ольге и добавил: – В тот раз мы сына едва не лишились! Если бы Федя не подоспел, то срубили бы черкесы Яшу нашего. За то чти его, Яков, как второго отца! Мы с матерью уже в пояс ему кланялись и еще почтим!

От таких слов Чиж даже поперхнулся.

– Да какой из меня отец? Я человек веселый! – заявил он. – А про тот случай забыть пора давно. Пластуны взаимовыручкой живут. Там любой пособил бы. А в тех местах я довольно дивным образом очутился! Ходил я на охоту на левый берег, где мирный аул Беклемишев. Взял кабана. Здоровенный такой секач, пудов на десять. Думаю, как тащить? Пошел я тогда в этот самый Беклемишев аул, поиграл на скрипке, черкесы и дали арбы довести кабана. И уж почти у самой Ольгиной переправы навалились на меня абреки, черкессня эта! Главный у них был тот самый огромный дьявол, который потом на тебя, Григорий, наскочил в плавнях.

В разговор солидно вступил Кравченко:

– Турок да персиянин, это не наш черкес! Те разве что с испугу выстрелят да обратно жарят, а с нашими осторожно надо держаться. Они голову с плеч могут снять в любой секунд. И не услышишь, как он тебя разделает!

– Ловкие они, это точно, – подхватил Чиж. – Эти дьяволы

из залого и вывернулись на меня в двадцати шагах. Винтовка у меня заряженная повсегда на стготовке, под буркой на арбе лежала – да больно их много было. Одного бы мог присветить, да, думаю, остальные гляди обидятся сильно... Один раз только не уберёгся, потрусил на этой арбе как попадьё – думал близко – и разом в яме оказался!

– А дальше-то что? – спросил Биля.

– Они меня в зиндан сунули. Вот я упробил, чтоб скрипку оставили. Сижу день, другой, третий. Хлеба осьмушка, да воды кружка, на брюхе сплю, спиной покрываюсь. Со скрипкой лучше. Когда поиграю, легче. А там девчонка одна повадилась меня слушать ходить. До чего же хорошая! Веселее стало! А в тот самый день она мне веревку кинула. Я ей спасибо – да тикать. Обхожу саклю задами, гляжу, наш Яша на крыше лежит. Все остальное уже говорено.

– Теперь редкая неделя без оказии, – заметил Кравченко.

– Да и те-то тогда ушли за Кубань. Ничего мы им не доказали, – добавил Чиж.

– Семерых уложили. А вот как тот наш знакомец ушел, не знаю, в упор я в него бил, – сказал Биля.

– Черкесня она и есть черкесня. Мирной аул – не мирной. Все они волки. Нехристи, – зло сплюнул Кравченко.

– Светлый сегодня Христов день, братья, возрадуемся! Наша жизнь известна – либо добыть, либо дома не быть! Плесни нам, Яша, ещё по кубкам! – повернулся к сыну Биля.

Одинокий черкесский всадник остановился у последнего островка камышей, что обступили небольшое болотце. Отсюда хорошо был виден весь хутор Били, тени, перебегающие в его окнах – в хате ради праздника зажгли свечи.

Ольга поставила на стол своей сильной рукой тяжёлый кованный шандал, другой сдвинула в сторону глиняное блюдо с жареной свининой.

Али проверил затравку на полке своего пистолета и снова прижал стремяна к бокам. Конь двинулся вперёд беззвучно, как тени в окнах хутора. Копыта его были обмотаны сукном и почти не оставляли следа на влажной земле. В подступающих сумерках всадник словно плыл вдоль кромки леса, держа путь к хутору Били.

Здесь в хате по-прежнему гудело застолье. Размахивая рукой, сыпал словами повеселевший от вина Кравченко:

– Вот они этого кабана подранили, а сынок его подхватился и в догон, по крови, отец ничего и сказать не успел. Бежит Васька по сакме и видит – крови нет. А в это самое время его сзади кто-то как косою – рраз, он летит, два, бешмет на нём тресь – это его секач под полу – обошёл он его, да и подождал. Тут выстрел. Туренок, отец его значит, видит такое дело – с подхода и вдарил! Он тут и вытянулся, кабан этот. А у Васьки обе голени до кости рассечены – идти не может. Лежит. А отец ему: «Будешь знать хлопче, як гнатись, да не

оглядаться».

– В нашем деле оглядываться – это первый пример, – заметил Биля.

– Кабан, он даром что свинья зовётся, а поумней иного человека.

– А что, хлопец этот ходит? – спросил у Кравченко Вернигора.

– Ходит. Было уже думали хромой останется. Да вот Григорий Яковлевич, – кивнул он головой на Билю, – характерство такое знает, поднял его. Замолвление крови сделал.

Биля вдруг насторожился. Пластуны сразу увидели это и затихли. Но никто из них ничего не мог услышать, как ни старался.

– Гость к нам пожаловал, – сказал Биля, и казаки потянулись к оружию. – Один, верхами. Пойду встречу.

– Кому бы это быть? – спросил Кравченко.

Биля уже снимал со стены свой штуцер.

– Яков, посвети мне, – попросил он сына.

Тот встал и вслед за отцом взялся за винтовку.

Пластуны стали подниматься на ноги.

– А вы посидите, гости дорогие, мы сами справимся.

Казаки пододвинули оружие поближе к себе и снова сели.

Вернигора наклонился к Кравченко и шепотом спросил:

– Как же он так, дядя Николай? Раньше собак учуял!

– Талан у него такой.

Яков и Биля стояли по разные стороны двери и всматривались в темноту.

К воротам подъехал всадник и остановился.

– Кто такой будешь, мил человек? – спросил Биля в темноту.

– Гость, – ответил Али чисто по-русски и приблизился к свету.

Хозяин хаты сразу узнал его. Черкес в черной бурке вынырнул над плетнем и смотрел прямо на него.

Биля поставил винтовку к стене и пошел к воротам.

Якову, который тоже сразу узнал черкеса, эти пятнадцать шагов, которые его отец отмерял совершенно спокойно, не спеша, показались целой верстой. Он очень старался не вертеть головой, медленно, почти одними глазами, внимательно осматривая пространство за плетнем.

Биля отпер ворота. Али заехал во двор, остановился на самой середине, однако спешиваться не стал. Хозяин подошел к гостю и взялся за стремя. Только тогда черкес легко для своего огромного роста соскочил на землю и протянул правую руку. Биля ответил на рукопожатие, снял с Али его винтовку и показал ему на дверь в хату.

Яков повел коня к стойлу, но успел увидеть еле заметный кивок отца, который обозначал: «Посмотри вокруг».

Али тоже заметил это движение, но его лицо осталось совершенно непроницаемым. У входа в дом Биля сделал шаг в сторону и взял свою винтовку, прислоненную к стене. Али

сразу остановился. Но пластун молча вернулся, поднялся по ступеням крыльца и открыл перед гостем дверь.

Али вступил в хату первым, перенесся через порог, как и положено, сначала правую ногу. Пластуны встали и поклонились гостю. Сразу у порога Али снял с себя все остальное оружие – пистолеты в чехлах, шашку, кинжал – и отдал Би-ле. Тот указал ему на свое место во главе стола, которое уже быстро расчищала Ольга, а сам подошел к стене и повесил на колышки его оружие.

Гость шел вдоль стола и здоровался с пластунами, протягивал им руку. Каждый брал ее по-своему. Чиж – с легкой улыбкой, Вернигора – серьезно, Кравченко – с задержкой. Мол, будь моя воля, не дал бы совсем. Али сел за стол. Пластуны остались стоять на ногах.

– Прошу вас, садитесь! – с поклоном попросил их Али.

Пластунов поразила чистая русская речь черкеса, но они не подали вида. Все снова сели за стол. Биля – рядом с гостем. В горнице наступила тишина, было слышно только потрескивание свечей. Али и пластуны внимательно смотрели друг на друга.

Разговор, согласно обычаю, начал гость.

– Хорошо ли здоровье хозяина? – спросил он.

– Бог милостив, спасибо!

Черкес ударил себя в грудь ладонью и назвал себя:

– Али.

– Как здоровье гостя? – спросил, в свою очередь, Биля,

повинуясь старинному обычаю.

– Благодаря Аллаху, теперь лучше.

При этих словах Али и Биля встретились взглядами. Каждый из них хорошо помнил свою последнюю встречу. Не забыли ее и остальные пластуны.

В комнату вошла Ольга и подала гостю умыться. Али не спеша сполоснул руки, отдал полотенце.

– Как здоровье хозяйки дома? – спросил он у Ольги, склонил голову и добавил: – Да исполнятся желания ее души!

– Спасибо вам. Бог милует. И вам того же! Кушанье сейчас подогрею, – сказала Ольга и вышла из комнаты.

Али немного помолчал и снова заговорил:

– Что нового у вас слышно? У нас в горах говорят, что большая война будет.

– Вы высоко, вам дальше видно, – ответил на это Биля.

– Гора только кажется близкой, а идти до нее семь дней, – заметил Али.

Кравченко наклонился к Чижу и прошептал:

– Гляди, как по-нашему чешет, черт нерусский!

Кравченко отодвинулся от Чижа и громко произнес:

– Война войной, а как бы нам в спину кто не ударил.

Али сразу заметил скрытый смысл этих слов.

Биля с осуждением посмотрел на Кравченко, но тот явно остался при своем мнении о происходящем.

– У нас говорят, что Россия с Оттоманской Портой будет воевать, но турки хотят сразиться с вами чужими руками, –

продолжал Али.

– Правильно говорят, – согласился Биля с этими словами гостя.

Кравченко снова наклонился к Чижу и тихонько сказал:

– Вынюхивать приехал.

В горницу вошел Яков, и Али сразу заметил на его коленях и у локтя следы свежей грязи. Парень перехватил взгляд черкеса, снял бекешу и повесил ее на стену. После этого он встал за спиной гостя, готовый прислуживать ему.

Али снова сбросил взгляд на его испачканное колено так, чтобы это заметили все, и сказал:

– Я пришел один и с миром.

Яков за его спиной утвердительно кивнул.

– Кто не оказал почета гостю, у того поле не заколосится, – сказал Биля на кумыкском.

– Куда не заглянет гость, не заглянет добро, – на черкесском ответил ему Али.

– Добра мы от вас мало по сей день видали, – снова вступил в разговор Кравченко.

Он отвечал теперь черкесу по-русски, и тем давал понять, что язык его всем знаком здесь.

Ольга вошла в горницу с блюдом, на котором дымилась вареная баранина. Она опустила его на стол перед гостем, достала из кармана передника дорогой, чеканного серебра кубок и поставила его перед Али. Яков разлил вино из кувшина.

Али поднял кубок и проговорил:

– Хозяин дома – храбрый воин, слава о нем идет далеко.

Видел я и сына его. Большой храбрец растет, гордость рода! Пусть жатва смерти обойдет этот дом! Да стоит он до скончания веков!

– Аминь, – ответил ему Биля и выпил.

Выпили до дна и остальные.

Али лишь слегка пригубил вино и спокойно, степенно начал есть.

– Что еще говорят у вас про войну? – спросил его Биля.

– Были английские гяуры в горах.

– Они к вам давно повадились.

– К нашим берегам приходил их корабль.

– Выйду-ка я до ветру, Григорий, – сказал Кравченко и глазами попросил Билю отправиться с ним.

Тот поднялся со своего места.

– Прошу прощения! – обратился он к Али.

В сенях Кравченко сразу прижал его к стене и прошептал:

– Не на на партию ли они поднимаются, Григорий?

– Один он. Яков осмотрелся.

– Это он теперь один. А вдруг абреки его в самый глухой час и подойдут? Или не знаешь, на какие штуки они способны? Как Долгача-то хутор разорили, помнишь? Трое приехали, сказались мирными, барана у него купили, а под утро их партия наскочила! Сейчас по хуторам, да и в станице все казаки хмельные. Самое время им вдарить!

– Бог не без милости, казак не без доли!

– Долгочу думалось поди то же – всё как-то, да ничего...

А теперь то место в пуге лежит. А мужик был богатыющий, да жизнь свою не уберег.

– Коля, аль ты мне не веришь? Не прост он человек.

Тем временем в горнице Били разговор оживился.

– Ты про Маликат сейчас вспомнил, а знаешь ли, что брата её убил? – спокойно сказал Али Чижу.

– Дело боевое, – заявил тот и пожал плечами. – И он бы меня срубил, кабы смог.

Али согласно кивнул в ответ на это.

В горницу вернулись Биля и Кравченко.

– Время позднее, станичники, – сказал хозяин хаты, повернулся к жене и добавил: – Постели гостю здесь. Мы с тобой в малую горницу перейдем.

Ольга вышла из комнаты.

Гости дружно поднялись со своих мест. По старшинству первым попрощался Кравченко.

– Бывайте здоровы, хозяева! – сказал он и пошел к выходу.

Он не подал руки Али, но Чиж и Вернигора сделали это. Али приветливо улыбался и брал руку пластунов сразу в обе свои огромные ладони.

Едва Чиж и Вернигора вышли, в горницу снова вошла Ольга с постелью для гостя на руках.

Чиж и Кравченко уже рысями шли впереди, когда последним в ворота проехал Вернигора.

На ходу он бросил Якову, который провожал гостей, стоя у столба:

– Завтра на вынос-то войсковой будете?

– Хотели быть, – ответил Яков.

Вернигора пустил лошадь в галоп, догоняя Чижа и Кравченко.

К Якову подошел отец и сказал:

– Отъедут наши, скачи на пикет, вели им, пусть залого сделают, если что, переймут его абреков.

Биля пошел к дому, а сын выждал с минуту и побежал седлать коня.

Пластуны ехали в густом тумане совершенно молча. Кравченко вдруг подал коня в сторону.

– Далеко ли? – спросил его Чиж.

– Вы езжайте, станичники, а мне дело есть, – ответил тот и скрылся в тумане.

Ольга еще раз прошла рукой по постели, приготовленной для Али, и вышла из комнаты. Биля и Али теперь вдвоем сидели за опустевшим столом.

За окнами простучали копыта. Это Яков выскочил за ворота и погнал коня к плавням.

Али посмотрел в глаза Били и повторил:

– Я пришел с миром.

– С миром вы к нам редко ходите, – сказал хозяин хаты, так же прямо глядя в глаза гостю.

– Эту вражду не мы начали, и не нам ее заканчивать. Но

нет крепче дружбы, чем та, которая связывает бывших врагов, проверивших друг друга в бою, – заявил Али.

Биля поднялся на ноги, взглянул на гостя и произнес:

– Спокойной ночи.

– Еще скажу. Сын твой – украшение рода. Счастлив отец, воспитавший такого удальца!

– Спасибо на добром слове, – сказал Биля, вышел из комнаты, прошагал через просторные сени и оказался в небольшой горнице.

Там он перекрестился и лег в постель рядом с женой.

Ольга оперлась на локоть, склонила встревоженное лицо к мужу.

– Гришенька, сердце у меня не на месте! Что ты его пустил, проклятого? Глаза у него, как угли!

– Оля, я так думаю, он кунаком моим стать хочет, для того и приехал. Спи. Черкес не нарушит закона гостеприимства.

Иса прислушался в очередной раз. На хуторе погасли огни. Там было тихо.

Рядом с Исой вглядывался в ночь молодой высокий черкес. Плечи его не отличались особой шириной, но весь он был словно выкован из стали, сила читалась в каждом его движении. Этот парень легко гнул в ладони подкову и укладывал в борьбе первых богатырей, которые нависали над ним, как скала над горной рекой.

– Может быть, надо напасть сейчас? – спросил он.

– Нет, он не дал сигнала, – ответил Иса и стал разворачивать коня в сторону гор, темневших у него за спиной.

3

Черноморское побережье Кавказа

«Таиф» стоял кормой к берегу, до которого было не меньше морской мили. Над морем клочьями проплывал утренний туман. На берегу среди деревьев был виден большой деревянный щит, выкрашенный красной краской. На корме «Таифа» стояла установка для запуска конгривовых ракет, названных по имени своего изобретателя – английского генерала Уильяма Конгрива. Они нацелились в небо с деревянного треугольника и внешне мало отличались от тех, которые были приняты на вооружение в европейских армиях еще в начале девятнадцатого века, разве что были на вид чуть больше. Вместо длинных прутков, которые служили в полете стабилизаторами, в их корпуса врезались небольшие плавники.

Ньюкомб в кожаном фартуке и белоснежной рубаше крутил ручку угломера. Под штрипками его военных брюк горели сапоги, начищенные до блеска.

Здесь же под мокрой парусиной лежали еще несколько ракет. Около них топтались двое матросов.

В сопла ракет, которые теперь смотрели в сторону красного щита, установленного на берегу, уходили медные прово-

да в каучуковой оплетке. Они соединялись с гальванической батареей, белевшей на палубе своими фарфоровыми боками.

Ньюкомб оторвался от угломера, подошел к ней и взялся за медную рукоятку замыкателя.

Слейтер, капитан, боцман с мостика внимательно наблюдали за происходящим.

Ньюкомб посмотрел в их сторону, Слейтер кивнул головой, и Ньюкомб пронзительно крикнул:

– Внимание! Огонь!

Он повернул замыкатель, и ракеты одна за одной сорвались с полозьев. Первая из них, прочертив над морем красную полосу, ударила точно в центр щита и разнесла его в щепки. Две остальные разметали камни и повалили деревья, к которым он был прикреплен. Остатки всего этого теперь горели. В утреннее небо поднимался черный дым, а гул от разрывов ракет еще долго перекачивался в горах над морем.

Солнце показалось над горизонтом. Его лучи высветили на морской глади опаловые, голубые, темно-синие и перламутровые полосы.

Ньюкомб взошел на капитанский мостик, вытер пороховую гарь с лица.

– Впечатляет, мистер Ньюкомб, очень даже! – сказал ему Слейтер. – Вы добились серьезных результатов!

– Серьезных! Да это прорыв! Теперь надо убедить тупиц из военного ведомства в том, что речь идет о настоящей революции! Конгрив сжег Бордо и Копенгаген ещё почти пол-

века назад. Но с тех пор мы не продвинулись ни на шаг! Теперь же я предлагаю нечто совершенно другое. Если угодно, это революция в военном деле! Видите ли, я говорил вам, что использую для стабилизации полета истекающие газы, заставляю их проходить через ряд спиральных канальцев, расположенных у основания стального корпуса ракеты. Это заставляет ее вращаться, придает ей устойчивость наподобие винтовочной пули. Теперь я могу...

– Дорогой Ньюкомб, избавьте меня от этих подробностей! Каждый должен заниматься своим делом! – Я финансист. Вы просите у меня денег, а между тем риск тут огромный.

– Никакого! Тем более что я и сам скоро буду богаче любого раджи!

– Мистер Ньюкомб, мне кажется, что вы излишне надеетесь на старинные манускрипты. Я, конечно, могу вам ссудить кое-что, но на особых условиях.

– Черт с вами! Меня не интересуют условия, Слейтер. Проценты сейчас не имеют для меня никакого значения.

Казачья станица, кубанское предгорье Кавказа.

Биля задавал корм лошадям, когда до его уха донесся легкий храп. Кто-то безмятежно спал на сеновале. Есаул поднялся по небольшой лестнице и увидел, что на бурке широко разметался Кравченко. Вокруг него был разложен целый арсенал – винтовка, кинжал, шашка и два пистолета.

Биля потянулся вперед и слегка потряс Кравченко за ногу.

– Коля!

Тот проснулся и мгновенно поднялся на бурке.

– Пойдем чай пить, упрямый черт!

– Это мы можем, – спокойно ответил тот.

Али, Кравченко и Биля степенно пили чай. Небольшой посеребренный самовар посвистывал на столе, около него сидела Ольга. Ее тяжелая коса была обернута вокруг головы. Под платком читалась вся тяжесть густых, черных, как смоль, волос.

– Олю, Якова побуди, – попросил ее Биля.

Когда Ольга вышла, Али оставил чашку, вытер пот со лба и произнес:

– Прекрасное оружие твоем доме, хозяин. – Он восхищенно смотрел на шашку, но видно было, что взгляд его прежде всего приковывали два револьвера, висящие рядом с ней на ковре. – Могу ли я взглянуть поближе, дорогой?

– Что ж, смотри.

Али подошел к спинке кровати, но сначала взял не револьвер, а простой с виду кремневый пистолет.

Кравченко тут же пододвинул поближе свой, который лежал рядом с ним на скамье.

– Это отличный пистолет, настоящий харбукинец – сразу определил Али изделие знаменитых на весь Кавказ мастеров-оружейников. Из него можно попасть в монету с пятидесяти шагов! – добавил он, бережно вернул оружие на место и осторожно взял в руки револьвер.

Он окинул его быстрым взглядом знатока, который мгновенно оценивает все преимущества вещи, понравившейся ему, и повернулся к Биле.

– Настоящее чудо! Что это?

Хозяин дома встал, подошел к гостю и ответил:

– Это называется револьвер.

– Ему нет цены! Ничего не устоит перед ним!

– Да, прежней войне конец.

– Такое оружие – мечта любого воина. Пять невольников, десять – мало будет! Ста не хватит!

– Возьми от меня в подарок.

– С благодарностью приму его! – Али расцвел, как ребенок, подошел к столу и положил револьвер у своего места.

Кравченко сплюнул с досады.

– Есть у меня и для тебя подарок, брат мой! – сказал Али, подошел к стене, где со вчерашнего дня висело его оружие, снял шашку, поклонился и передал ее хозяину дома.

Рукоятка у шашки была самая простая, и по лицу Били на мгновение скользнула тень недоумения. Больно уж неравным показался ему ответный подарок черкеса.

Али ждал.

Биля выдвинул клинок из ножен и мгновенно увидел все его достоинства.

Он вложил шашку обратно в ножны, передал ее Кравченко:

– Что скажешь?

Тот осторожно принял шашку, вынул из ножен, осмотрел, встал и подержал в руке, проверяя баланс.

– Настоящая «франка», шашка древняя, булат! Полоса самая легкая, гибкая, звонкая, как коса. Ее не на бурке пробовать на панцире! Хороша, слов нет! Такая ружейный ствол перерубит, – наконец сказал он.

– Пойдем, проверять будем! Есть у меня, афэ, – проговорил Али и начал раздеваться.

Под его черкеской оказалась древняя кольчуга тончайшей работы. Ольга, было вошедшая в горницу, выскочила обратно от этого зрелища раздевающегося при ней чужого мужчины.

Али в одной нательной рубахе вышел к крыльцу и приладил на сноп соломы свою кольчугу. За его спиной стояли Кравченко, Биля и Яков, который еще не до конца проснулся и иногда потирал рукой глаза. Чуть поодаль держалась Ольга, скрестив руки на груди.

На плече у кольчуги был виден недавний разрыв от револьверной пули Биля. Он был заделан кольцами новой грубоватой работы.

– Не жаль кольчугу-то? – спросил Биля.

– Не жаль, хотя этот афэ двести лет в моем роду. А эта шашка работы знаменитого Айдемира, – ответил Али.

Он взял клинок из рук Биля, оставил ему ножны, подошел к кольчуге, потом сделал от нее шаг назад. Черкес прикрыл глаза, выровнял дыхание, завел левую руку за спину и уда-

рил так быстро, что человеческому глазу было почти невозможно уловить это движение. На кольчуге развалилась полоса прорубленных колец.

Биля и Кравченко оценили этот удар, но не подали вида.

Али подошел к Биле, взял шашку за клинок у рукояти, передал ее ему и почтительно произнёс:

– Я прошу твоей дружбы!

Биля обернулся к жене.

– Оля, неси молоко.

В небольшую крынку с молоком упала серебряная монета. Али взял посудину огромной ладонью, выпил из нее половину и передал Биле. Тот допил молоко до конца, выложил на ладонь монету, бережно обтер ее о рукав и положил в карман.

Яков и Кравченко, стоявшие сейчас рядом с Билей, воспринимали происходящее по-разному. Яков – восторженно, а Кравченко – весьма и весьма скептически.

– Пусть не ржавеет наше братство, как это серебро! – произнес Биля слова кунацкой клятвы.

Али прошел в горницу, снял со стены свои вещи, вынес их во двор, передал хозяину дома бурку и заявил:

– Брат мой будет всегда доволен Али!

Уже сидя в седле, черкес бережно вложил в кобуру револьвер.

Пистолет, вынутый из нее, он протянул Якову и сказал:

– Возьми, юный хеджрет!

Сын посмотрел на отца, тот кивнул.

Парень с радостью взял оружие и заявил:

– Нечем мне отдариться, дядя Али.

– Дядю нашел! – пробурчал Кравченко.

– Много еще возьмешь добычи воин, сможешь дарить! – с улыбкой проговорил черкес.

В открытые ворота на рысях въехал Чиж. К его коню был привязан второй, в узде, отделанной серебром, с дорогим оружием в седельных сумках.

– Здравствуйте, станичники! – сказал он, соскочил на землю и отвязал от луки своего седла повод второго коня. – Вот возьми, отдай отцу Маликат. Конь ничуть не хуже того. Оружие все цело. Пусть крови не ищет. Девке скажи, кланяюсь ей, – проговорил Чиж и передал повод Али.

– Хорошо, – сказал тот, обернулся и привязал повод к луке своего седла.

Закончив с этим, черкес выпрямился, поклонился еще раз Биле и Ольге.

– Да даст тебе Аллах все, чего ждёшь! Сын ваш да будет невредим!

Али было тронул коня, но Биля остановил его вопросом:

– А скажи нам, мил человек, с чего же ты так хорошо по-русски говоришь?

– Я аталык, – ответил Али, дал повод коню и выехал со двора.

– Что он сказал? – спросил Яков.

– Он атылык, приёмьш – откликнулся Кравченко. – Такой обычай у них, детей до седьмого года в приемные семьи отдавать. Нашим тоже, казакам. Знать бы еще, к кому он попал.

– Может, и узнаем, – сказал Биля.

– Да ты этого кунака больше и не увидишь. Он револьвер схватил и айда! По кому он теперь ещё палить из него станет? Азия одна...

– Значит, и у его отца были кунаки среди наших.

Али степенно удалялся и тихо пел какую-то песню. В это время вдали показался верховой, несущийся галопом. Черкес завидел его и тут же пустил коня рысью. Пластуны заметили этот маневр и переглянулись.

Биля приложил ладонь к глазам и посмотрел в сторону всадника, который летел к хутору.

– Это Петр Прасолов, – сказал он.

– Догнать басурманина? – спросил Кравченко.

Биля отрицательно покачал головой.

Через минуту всадник осадил коня на дворе у Били.

– Здорово дневали, станичники! Яков Григорьевич, война с туркой объявлена! Велено собираться всем не в очередь по куреням.

Лицо Якова расцвело радостью.

– А ты что засиял? Обратнo в училище собирайся. Рано тебе воевать, – осадил его отец.

– Честь имею, побегу дале! На Машкин хутор дорога-то как, просохла? – спросил Прасолов.

– Можешь. Бери только поближе к паланку.

Петр сорвался с места и выскочил за ворота.

– Была у меня думка новый цветничок разбить. А сеять теперя как без меня будут? Это одно горе, а не сев, ежели без хозяйского глазу, – со вздохом проговорил Кравченко.

– Жениться тебе надо, Коля. По-нашему делу без хозяйки нельзя. Все на ней.

– Знаешь ведь, Григорий, что мне жениться не можно, – сурово ответил Кравченко, отвернулся и пошел в сторону коновязи.

Чиж и Биля с сочувствием посмотрели ему вслед, а лицо Ольги дрогнуло от внутренней боли.

Биля ударил кулаком по столу так, что вздрогнул телескоп, стоявший на полке в шкафу.

– А я сказал в Екатеринодар, в училище!

– Воля ваша, батя, а только я оттуда утеку!

– Я с тебя шкуру спущу! Собирайся, чтоб завтра поутру я тебя тут не видел! Мать! Собирай этого Анику-воина! – крикнул Биля в открытую дверь.

– Утеку я!

– Слова отцовского ослушаешься?!

– Нет такой власти, чтобы пластуно помешать встать за Россию!

– Врага бить теперь тоже с умом надо! Если хочешь истинно России послужить, то науки учи военные. Нынче все боевое дело переворачивается! Не последняя это сшибка, на твой век будет. И хватит разговоры разговаривать!

На другой день Яков, снаряженный по-дорожному, понуро стоял около своего коня. Две больших седельных сумки были перекинута через его круп. Из чехла выглядывала винтовка. Яков был опоясан шашкой, за спиной у него в полотняном чехле находился пистолет, подаренный Али.

Ольга надела сыну на шею образок Евстафия Плакиды на витой серебряной цепочке. На ее глаза навернулись слезы.

– Полноте, мамаша! Не на войну я.

У своего коня, тоже снаряженного в долгий путь, стоял и Биля.

Он обнял жену и сказал.

– Будет тебе, мать. На тебя дом остается. Доля казачки такая, мужей, братьев да сынов с войны ждать.

– Разве только казачки? Она бабья, русская. Храни вас Христос! – ответила Ольга, перекрестила сначала мужа, потом сына и крепко поцеловала их в губы.

Биля и Яков давно уже ехали рядом по дороге, а она все ещё стояла одна посреди двора.

У большой дорожной развилки всадники остановились.

– Здесь мне – направо, а тебе – налево, – сказал отец.

В ответ на это сын ничего не сказал.

– Ну и молчи, коли охота, – заявил Биля и направил коня

направо по большой дороге.

Если бы Яков видел лицо отца и вообще был бы способен понимать его чувства, то понял бы, что не так хотел бы тот проститься с ним.

4

Дувр, Англия

На небольшой лужайке среди розовых кустов скрещивались сабли. Девушка в юбке с высокой талией, в корсете, нагруднике и фехтовальной маске теснила джентльмена, державшегося напротив нее. На дорожке среди роз показалась мать Генри Ньюкомба. Это была высокая, рыхлая женщина с лицом, покрытым глубокими морщинами, но еще сохранявшим следы былой привлекательности.

Девушка сделала мастерский выпад, и кончик ее сабли ударил джентльмена в грудь.

– Туше! – торжествующе прокричала она и сдернула маску.

Это была Кэтрин.

Ее противник тоже снял маску, под которой скрывались длинные седые висячие усы. Это был мистер Крэш, учитель фехтования и преданный камердинер мисс Кортни.

Кэтрин увидела гостью и весело заговорила с ней:

– Здравствуйте, миссис Ньюкомб! Очень рада вас видеть! Подождите, пожалуйста, меня в гостиной, я сейчас! Мистер

Крэш, кажется, я победила!

– Скоро мне будет нечему учить вас, мисс Кортни! Вы хоть сейчас можете отправляться в Крым, – склонив голову, с улыбкой ответил ей Крэш.

– Нет. Я туда не собираюсь!

В амбразуре окна заливались в клетке канарейки.

Миссис Ньюкомб сидела за столиком рядом с камином и рассматривала иллюстрированные издания. На рисунке, помещенном в одном из них, бравые британские солдаты в красных мундирах штыками загоняли в тайгу толстого медведя с короной на голове. На другой картинке кровожадные русские варвары целились в доблестных английских моряков, подплывающих к берегу с белым флагом.

В гостиную вошла Кэтрин, взяла с подоконника птичий корм и бросила его в клетку.

– Эти русские – настоящие дикари! – возмущенно проговорила миссис Ньюкомб. – Стрелять в парламентаря, это ни на что не похоже! Кстати, где находится эта Одесса? Эти московиты совсем потеряли совесть. Впрочем, ее никогда у них и не было! Разве можно сравнить русских дикарей и этих удивительных, симпатичных турок с их богатой и древней культурой!

– Миссис Ньюкомб, эта война нужна нам. Газетчики хорошо делают свое дело. Однако по поводу турок, я, пожалуй, не в таком восторге. Мне не нравятся гаремы.

– Мисс Кортни, разве можно в приличном обществе про-

износить такие слова? Хорошо, что мы с вами одни!

– Однако это явление существует. Что же здесь сделают слова?

– Я уже ничего не понимаю. Генри мне пишет что-то про какие-то ракеты, уверяет меня в том, что мы скоро разбогатеем. Он что-то нашел на этом своем ужасном Кавказе.

– Да, тоже невольничьи деньги.

– Ах, я была бы рада уже любым! – понизив голос, быстро проговорила миссис Ньюкомб. – Того, что присылает мне Генри, совершенно недостаточно! Я уже должна зеленщику, просто не представляю, как мне быть. Если бы Генри знал, что я вам это говорю, то он никогда не простил бы меня. Но что же делать. Мы очень высокого рода и слишком бедны для того, чтобы дешево занять деньги. Идти к ростовщикам невозможно!

Кэтрин подошла к секретеру, открыла его, взяла небольшой сафьяновый кошелек, села рядом с миссис Ньюкомб и вложила его ей в руку.

– Вот, возьмите пока! – сказала девушка. – Скоро Генри вернется с победой. Эта война принесет ему заслуженную славу! Я уверена в нем!

– Ах, спасибо вам! Скорей бы он вернулся! Мы сыграли бы славную свадьбу!

Кэтрин мечтательно посмотрела в окно.

В это время миссис Ньюкомб быстро приоткрыла кошелек, и в нем блеснули желтым золотые союзеры.

Правое крыло Кавказской линии, Кубань

Биля, Чиж, Вернигора и Кравченко ехали верхами по большой дороге в сторону Екатеринодара. Солнце, нещадно палившее весь день, уже стало красным и заметно клонилось к Западу.

Кравченко достал из кармана большой красный платок, отер лоб и задумчиво проговорил:

– Не повечерять ли нам? А завтра и въедем в город?

– Куда как лучше на свежем-то воздухе заночевать, – подхватил Чиж.

– Что ж, дело. С версту еще проедем, там балочка хорошая будет, – отозвался Биля.

– Гляди, вон всадник впереди стоит. Никак нас дожидается, – сказал Кравченко, который первым выехал из-за поворота дороги.

Чиж посмотрел туда, куда тот указывал плетью.

– Да это черкес давешний! – с удивлением произнес он.

У дороги стоял Али. Как и пластуны, он был снаряжен по походному. За седлом чернели кожаные дорожные сумки.

Черкес тронул лошадь и подъехал к пластунам.

– Здравствуй, кунак! – сказал ему Биля.

– Салам, брат мой! Да продлятся твои дни на земле. Как твое здоровье?

– Здоров. Ты лучше скажи, Али, куда это ты собрался?

– С тобой.

– В полк, что ли, хочешь поступить? Это не у вас за Кубанью, мы регулярные!

– Хочу биться с тобой рядом.

При этих словах Кравченко даже присвистнул и буркнул:

– Ну и дела!

– Смотрите вперед, братья! – бросил Чиж.

У дороги стоял еще один всадник. Это был Яков. Увидев своих, он спешился, встал на колени и положил перед собой плеть.

За спиной Били Вернигора расплылся в широкой улыбке, но есаул помрачнел, и, даже не взглянув на сына, проехал мимо него. Все остальные хотя и поглядывали на Билю вопросительно, но не решались вмешаться в семейные дела.

Яков так и остался стоять на коленях в пыли. Всадники неумолимо удалялись от него. Ему казалось, что они вот-вот въедут в огромное красное солнце. В его косых лучах резко обрисовывались теперь пять черных силуэтов.

Билиа вдруг обернулся и позвал:

– Омелька!

Когда Вернигора поравнялся с ним, тот кивнул ему в сторону Якова.

Вернигора, с трудом сдерживая радость, развернул коня и послал его в галоп.

Через пару минут сын ехал за спиной у отца, все также хранившего молчание. Пластуны и Али начали придерживать своих коней, чтобы дать им поговорить, и потихоньку

отстали. Биля и Яков оказались теперь впереди, саженьях в десяти от них.

Отчаянно зазвенел колокольчик, и в клубах пыли показалась тележка фельдъегеря. Она словно летела над землей, увлекаемая тройкой не очень казистых, но крепких казенных лошадей. Ямщик стоял на узком облучке, крепко держал вожжи и смотрел прямо перед собой безумным застывшим взглядом. Пластуны приняли вправо. У фельдъегерей, проводивших годы своей жизни в неистовой скачке с государственными документами, на дорогах Российской империи были особые права. Тележка унеслась, поднимая в красных лучах солнца клубы пыли.

Когда она осела, Биля, не глядя в сторону Якова, заявил:
– Матери сам напишешь.

Яков расцвел счастливой улыбкой.

Биля скосил глаз, поднял бровь, заметил сияющее лицо сына, повернул к нему голову и резко проговорил:

– Смотри у меня! Слушать всех бывалых казаков, как Господа Бога, никуда не лезть!

– Да я!.. Батя, спасибо!

Радостный Вернигора, с особым вниманием следивший за этим разговором, поравнялся с Яковым и от удовольствия ткнул его в бок рукоятью нагайки.

– Цыц у меня! – бросил Биля, но и в его голосе звучала сдержанная радость.

Пластуны выровнялись и снова поехали вместе. На лицах

казаков читалось общее облегчение. Только Кравченко иногда мрачно поглядывал в сторону Али.

Солнце уже до половины опустилось за горизонт. Его низкие лучи рассылали по земле чернильные тени от кустов и деревьев.

– А вот и балочка наша, – весело сказал Чиж. – Повечерем сейчас! Брюхо с голодухи прямо подвело у меня.

5

Севастополь, Крым

Улица, обстроенная с обеих сторон белыми украинскими хатами, уходила вниз, к морю. В одном из этих домов уже вторую неделю располагались на постое пластуны.

Защитники Севастополя пока верили в неприступность города для вражеского десанта. По офицерским квартирам и кораблям, светским салонам и купеческим домам повторялись как заклинание слова какого-то стратега, сказанные три десятка лет назад: «Десант во многих силах невозможен!» От многочисленных повторений эта фраза приобрела характер незыблемой истины, которая, как и все подобные мысли, давно уже была глупым предрассудком. Многие думали, что исход войны по-прежнему будут решать паруса и клинки, а сцепиться готовились паровые машины и нарезные стволы. Кое-кто знал это, но уже совсем немногие понимали, что это будет первая схватка экономик и коммуникаций.

Пластуны занимали единственную комнату небольшой хаты. По стенам было развешано оружие, в ряд стояли походные кровати.

За большим столом около медной гальванической батареи восседал Кравченко и что-то неторопливо ладил в ней. Провода от нее, точно такие же, как и у Ньюкомба, тянулись по столу. На его противоположном конце они уходили в небольшую деревянную коробочку.

В глазу у Кравченко поблескивал монокль с хорошим увеличительным стеклом, каким пользовались часовщики и ювелиры. Казак перегнулся через стол и насыпал в коробочку порох.

В хату вошел Биля, перекрестился на иконы, расположенные в красном углу, тяжело вздохнул, присел к столу и сказал:

- Здорово дневал, Николай!
- Здравствуй! Как съездили, Григорий Яковлевич?
- Слава богу, благополучно.
- Нового-то не слышать чего?
- Не поймешь, для чего нас и собирали. Говорильня одна, – ответил Биля. – Вон Кухаренко и не поехал, больным сказался, может, и вправду занемог. С этим постоем мы только разбалуемся. Не знаешь, где все наши делись?
- Постой – это самое баловство, известное дело. Яшка с Омелькой с подъема встали и дальше пошли куда-то дрыхнуть. Как они спелись, это даже удивительно! Днем они па-

лят. Омелька обучает его, значит, а твой по цифири пытается разобраться, отчего пулю штуцерную всегда на правую руку сносит. По вечерам на Северную сторону повадились. Какие-то там у них бессоромные девчата. Опять же вишня поспела.

– Я им наложу пониже спины! Ишь ты, вишня у них поспела! А ты куда глядишь?

– А я им нешто сторож? Они протыриваются из хаты, что твой ужи! А утром вот они – на своих местах почивают.

– А остальные у нас где?

– Чиж по базару лазают, глядит, где что плохо лежит. Вон скрипку себе делает. А где твой басурман, и не знаю. Нехристь этот поганый!

– Коля, зря ты так, – чуть помолчав, сказал Биля. – Али – мужик правильный. Нам дюже полезен будет. Воин он самый стоящий. А что было, то было.

– Было, говоришь? У меня это вот так перед глазами. Как они сынка моего да Галю...

– Ладно, Коля. Это у тебя что за штука? – спросил Биля, показав на провода.

– Это вот я пробую гальванизмом порох зажечь. Интересное дело. Куда твой фитиль! Его то намочит, то ветром разгонит, а если селитры переложить, в пыль за секунд сгорит. Да и какой он длины? Шагов двадцать, это самое большее. А тут искру можно хоть на версту бросить, причем именно тогда, когда она нужна тебе! Тюк вот так сверху пальчиком. –

Кравченко показал на контакты проводов, досыпал пороха в коробочку и заявил: – Сейчас спробуем это дело – довольно сказал он.

– Где ты взял всю эту аммуницию-то?

– Чиж для меня у матросов стянул. Из Питера ее прислали, чтоб мины гальванизмом взрывать. Беда в том, что пороха для них нет, и корпуса быстро сделать нельзя. А так по минному делу у нас фитили уже лет десять не палят, один гальванизм.

– Ну вы даете! Такие дела Федора до Сибири доведут! Не у черкесов же вы!

– Матросам без надобности, а нам пригодится, – фило-софски заметил Кравченко, вынул из глаза монокль, поднял палец, подвинул провода один к другому и замкнул их.

Раздался взрыв. Дым клубами заволок горницу. Где-то за стенкой раздался жалобный женский вопль и звон падающих ведер.

– Сила! – довольно сказал Кравченко.

Биля обеими руками отгонял от лица полосы дыма, плывущего в солнечных лучах.

– Ты вдругорядь на улице располагайся! Горницу задымил всю, – заявил он.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась хозяйка хаты Екатерина Романовна, женщина лет тридцати, с красивой русской полнотой и миловидным лицом.

– Пожар! – сдавленно сказала она.

Кравченко начал вместе с Билей активно разгонять руками пороховой дым.

– Простите Христа ради! Эксперимент! – проговорил он и развел руками.

– Креста на вас нет! Я так с лежанки и повалилась!

– Сей секунд все уладим! А если что вам по хозяйству надобно, так вы только скажите!

Дверь снова хлопнула. Сложившись в низеньком проеме, в хату шагнул вестовой, один из бойцов пластунского батальона Кубанского казачьего войска.

Сначала он пытался что-то разглядеть в дыму, потом вытянулся и громко сказал:

– Мне бы есаула Григория Яковлевича Билю! Пакет у меня для него.

– Это я. Давай книгу, – сказал Биля, выходя к нему из дыма.

Вестовой развернул книгу, к которой были привязаны перо и маленькая чернильница с крышкой на резьбе. Биля отвернул ее, обмакнул перо в чернильницу, расписался в получении пакета, лежавшего между страницами книги, и забрал его.

Вестовой отдал честь и вышел из комнаты.

Биля подошел к окну, вскрыл конверт.

– Яков Герасимович меня вызывает, – сказал он, еще не дочитав текст.

На турецкой софе во всей красе, в одних широких украинских шароварах лежал полковник Кухаренко. К сорока пяти годам его мощный молочно-белый торс был иссечен шрамами от пуль и холодного оружия. От места расположения пластунов резиденция Кухаренко отличалась разве тем, что он занимал всю хату один. На стене под белыми холстинами висели его мундиры, в том числе и парадный. Там же располагалось самое разнообразное оружие. Софа была застелена сине-золотым персидским ковром.

Кухаренко лежал на боку и большой двузубой вилкой ел вареники с вишней. Он окунал их в сметану и сплевывал косточки прямо в угол, на глинобитный пол.

На стук в дверь полковник коротко бросил:

– Входи!

В горницу вошел Биля, перекрестился на иконы, снял папаху.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

Было видно, что, произнося это, он просто соблюдает формальность, а с Кухаренко их связывает давняя и прочная приязнь.

Биля подошел к начальнику и пожал руку, протянутую им.

Полковник сел на софе, по-турецки поджав под себя босые ноги.

– Садись, Гриша. Вареников хочешь? – спросил он.

– Благодарствую, сыт! – ответил Биля и присел на софу.

– Хороши вареники! Жаль только, что сами в сметану не ныряют, как в сочинении господина Гоголя. Ты, я вижу, здоров, а как крестник мой?

– Здесь он, Яков Герасимович. Не посылал его еще к тебе, не хотел беспокоить.

– Пусть придет. Не рано ли ты его пластовать-то взял?

– Раненько, да так уж вышло промеж нас.

– В твоей он полной родительской воле. Дело есть у меня.

– Сказывайте.

– Вчера у князя Меншикова, говорят, начальники, смехом заливаясь, шутовали над тем известием, что союзники сажают свои войска на суда, чтобы в Крым плыть. А я так полагаю, что беспрременно они здесь будут.

– Под зиму?

– Вот и Меншиков считает, что они ничего серьезного в позднее время года не затеют. Но он думает, что везде запрягают так же долго, как в России. Ты же харьковского университета, по-французски читаешь?

Билия утвердительно кивнул.

Кухаренко достал из-под ковра, покрывающего софу, довольно замызганные листки писчей бумаги, передал их Биле и сказал:

– Я там отчеркнул красным.

Есаул взял письмо, нашел нужное место и погрузился в чтение. Он быстро пробежал страницу убористого текста и взялся за вторую.

– Слежку они тут давно ведут, уже лет двадцать как. Но военных карт южного побережья Крыма у них нет. Добавлю, что и у нас тоже, – сказал Кухаренко.

Биля с удивлением поднял голову и изумленно посмотрел на него.

– Оно, может, и к лучшему, что наше военное министерство не удосужилось их составить, – продолжил Кухаренко. – Посему и карты эти не могли быть своевременно украдены французским штабом.

– Кем писано? – спросил Биля, возвращая бумагу.

– Наши казачки на французском офицерике взяли в Дунайской армии. Видишь, черным по белому написано. Они нападут на Анапу и Суджак-Кале.

– Хорошо бы официальные бумаги раздобыть. С этим к Меньшикову не сунешься.

– Вот и мы со Степаном Александровичем Хрулевым ту же думку имеем. Только он полагает, что ударят они прямо на Севастополь. И по многому рассуждению моему тут я с ним согласился.

– Что же я тут могу сделать?

– А вот слушай! Бегают тут вдоль берега один пароходик английский, «Таиф» прозывается. Очень это странный пароходик. Уже года три, как он тут пасется. Говорят, не раз приставал к черкесскому берегу. Но это дело не важнецкое. Англичане рабов в Турцию с превеликим удовольствием доставляют, особенно невольниц в гаремы. Деньги, как сказал

император Веспасиан, не пахнут. Вот и «Таиф» этот вроде по тому же делу, но не только. Был он, кстати, при Синопе и еле удрал от Нахимова Павла Степановича. Главный там – английский военный советник Слейтер, он же торговый человек, как это у них зауряд принято. Есть на борту еще английский то ли офицер, то ли газетный репортер. На всех языках говорит, не раз ездил в горы. По фамилии Ньюкомб, а по ремеслу, я так полагаю, что шпион. Теперь смотри. Помощник Шамиля Наиб-паша находится у них в лагере, в Варне, вместе с пятьюдесятью черкесскими вождями. К бабушке не ходи, мечтают они нам в спину ударить. Я так понимаю, что этот пароходик около Евпатории видели неспроста, и много на нем есть интересного. Очень бы нам было лестно бумаги с него посмотреть.

– С берега его нелегко будет выследить, Яков Герасимович, – заметил Биля.

– Нелегко, но я не кого-то еще, а тебя позвал! Знаю, для тебя и братьев твоих невозможного мало. Или без дела лучше сидеть?

– Нет, без дела нам не приходится!

– Вот и я думаю, что попытка не пытка. Если вдруг этот пароходик и вовсе утонет, то с тебя не взыщут, а выйдут вам всем егорьевские кресты. Но главное – бумаги. Скажу тебе вот что. Город к осаде не готов. Меншиков никого не слушает. Пока мы его носом не ткнем, как кутенка, оно так и будет. Слава богу, Горчаков прислал сюда одного инжене-

ра-полковника из немцев, Тотлебен зовется. Это, я тебе скажу, голова! Но и у него руки пока связаны. А мы можем развязать! Кабы еще знать, где точно англичанин с французом высадятся, тогда союзничков при этом можно было бы так поколотить, что им русская земля горька стала бы с первого по ней шага!

Биля понимался по улице, ведущей к дому Екатерины Романовны. На ней не было ни души, только в одном месте на отвале свежевырытой земли сидел старик и курил трубочку. Из канавы раз за разом на другую сторону от него вылетала земля. Слышался стук лопаты о каменистую почву.

Биля уже почти прошел мимо, когда заметил, что в яме орудовал лопатой Али, и остановился от удивления. В это время черкес вытащил из канавы здоровенный камень и, не замечая есаула, откинул его далеко в сторону.

– Здравствуй, дедушка! – поздоровался Биля со стариком.

– Здравствуй, соколик!

– Доброго утречка и тебе, Али Битербиевич!

Али неторопливо вылез из канавы.

– Ассалам алейкум! Была ли доброй поездка? – спросил он.

– Доброй, доброй. Ты мне лучше скажи, что тут делаешь?

– Довольно чудной этот молодчик! – вступил в разговор старик. – Я, значит, подрядился канаву выкопать. Работаю себе. А он мимо идет и говорит, давай, мол, лопату. Накопал

ужас как много! Ровно твой бык! Нам бы его в артель!

– У нас своя артель! – заявил Биля. – Пойдем, Али, у нас другая работа есть.

– Да продлятся твои дни, уважаемый! – почтительно сказал черкес, поклонился и вернул лопату старику.

– Да и тебе не хворать, паря! – ответил тот.

Теперь Биля и Али шли по улице вместе.

Есаул с интересом взглянул на черкеса и спросил:

– Али, ты зачем эту канаву-то стал копать? Или у тебя какого другого дела нет?

– Как нет? Всегда есть! Но у нас в горах не принято проходить мимо, если ты можешь помочь. А это старый человек! Как я пройду стороной?

– Город – не горы. Здесь другие порядки, – сказал Биля и толкнул калитку.

Около летней кухни стоял Кравченко и внимательно смотрел на цветущие мальвы.

– Бабушка, здравствуйте ещё раз! Довольно интересные у вас мальвы. Семян не дадите ли? – прокричал он в открытую дверь летней кухни.

Оттуда сразу же показалась Екатерина Романовна.

– Как не дать, бери, милый! Бабушкой только не зови – весело сказала она.

– Пойдем, Коля. Пора нам в путь собираться, – сказал Биля.

– То дело! Сей секунд буду, – произнес Кравченко.

Биля и Али пошли рядом в сторону хаты.

– Что у него на сердце против меня? Разве я обидел его?

Как воевать вместе будем? – горько спросил Али.

– Не на тебя. Ваши у него жену и сына маленького увели.

Вот уже третий год пошел, как эта беда случилась.

– Как так? Всегда найти можно, выкуп нужен!

– Искали. Жена у него – красавица. Ее туркам, говорят, продали. Мальчишку, наверное, она удержала при себе. Не нашли их. Ваша привычка – людей, как скот, продавать.

– Невольников все хотят покупать, – пожал плечами Али. – Турки, англичане. Есть спрос, будет и товар.

За столом Вернигора и Яков чистили оружие. При виде старших они встали.

Следом за Билей и Али в хату вошел Кравченко, вынул из газыря патрон и засунул туда кулечек с семенами.

– Собирайтесь, братья, рыбачить поедем, – сказал Биля. – Гляди, Николай, чтобы ты семена вместо пороха в штуцер не всыпал.

– Это у меня всё в разном рассуждении. Не впервой! – спокойно ответил ему Кравченко.

Один конец обширного песчаного пляжа терялся вдаль, другой упирался в высокую скалу, поросшую можжевельником. У ее подножья горел костерок, сушились сети, рядом лежала, опершись носом на колышек, перевернутая лодка.

У огня сидели двое рыбаков в полотняных штанах и ру-

бах. Это были Чиж и Кравченко. На огне закипал котелок. Чиж умело помешивал в нем ложкой уху. Под перевернутой лодкой на холстине было разложено оружие, веревки, заплечные сумки.

С краю, рядом с Кравченко, стояла бутылка с какой-то светлой жидкостью. Сам он откупоривал штопором бутылку французского вина. В образцовом порядке лежал набор походных инструментов в развернутом кожаном чехле. Здесь же для чего-то был и старый кремневый пистолет с разорванным дулом.

Кравченко откупорил бутылку и начал выливать ее содержимое в песок.

– Эх, Коля-Николай, виноградное, и в песок! – горестно промолвил Чиж.

– Сам плачу, да делать нечего, – ответил Кравченко.

– Хоть бы в юшку влил для смака. – Чиж показал на котелок.

– В юшку, это все равно что в нас. А мы при боевом деле! Нам сейчас ни единого глоточка нельзя, – проговорил Кравченко, встал, промыл в море бутылку и развернул ее горлышком к солнцу, чтобы подсохла. – Вон Григорий Яковлевич с проверки постов возвращается.

Из-за скалы показался Биля с веслом на плече. Он тоже был в рыбацких штанах, завернутых до колена.

Кравченко достал нож, разделил пробку вдоль, затем начал прорезать внутри обеих ее половинок узкие канавки, об-

разующие единое отверстие.

Биля подошел к лодке и сбросил с плеча весло.

– Милости прошу к самому кулешу, – сказал Чиж.

Биля тяжело вздохнул и сел к огню.

– Ушицы хорошо бы похлебать! С утра голодную. Яков где? – спросил он.

– На горе. Беспременно он хочет этот пароход первым увидеть. Чисто как малая детина сделался, – ответил Кравченко.

– Да таков он и есть, – заметил Биля. Он встал на ноги, задрал голову, но на горе Якова нигде не было видно.

– Где он делся-то? – удивленно спросил Биля.

Кравченко дорезал канавку, достал бумажку, пропитанную чем-то, и стал аккуратно складывать ее, превращать в фитиль.

– А вон орел. Видишь, на самом гребне присоседился?

Там действительно виднелась сидящая птица.

Биля подошел к лодке, взял в сумке маленькую подзорную трубу, раздвинул ее, приложил к глазу и улыбнулся.

Яков расставил руки, накрылся буркой, и лежал под ней внимательно наблюдая за морем.

– Хитро! – заметил Биля, опуская подзорную трубу.

– Это его басурманин наш выучил. А как ему слазить от туда, он взмахнет руками под буркой вот так. И правда будет словно орел слетел, – сказал Кравченко.

Яков вдруг действительно взмахнул руками и исчез со

скалы.

– Сюда идет. Может, увидел чего? – проговорил есаул.

Кравченко поднялся на ноги, подошел к лодке, взял бутылку с белой жидкостью, посмотрел на море и сказал:

– Это вряд ли.

Он снова сел, достал из кармана кусок бумаги, свернул из него воронку и стал заливать в бутылку от вина светлую жидкость. Сильно запахло нефтью.

– Что это такое будет, дядя Коля? – спросил Чиж.

– Пригодится, дядя Федя.

Залив жидкость, Кравченко вставил в прорези фитиль, собрал пробку и ловко вогнал ее обратно в бутылку.

По скале уже спускался Яков.

Он спрыгнул на песок и крикнул:

– Али бежит, рукой машет! Увидел что-то.

Кравченко снова встал, взял из рук Якова бурку, сунул под лодку и сказал:

– Сейчас узнаем, что там такое случилось. Федя, давай я хлебца порежу да сядем вечерять.

Али еще издалека начал размахивать руками и кричать:

– Видел! Видел!

Он тоже обрядился в рыбацкую одежду, но со своими ноговицами расстаться не пожелал. Его лоб, плечи и спина были мокры от пота.

Черкес подбежал к костру, сел и поджал под себя ноги.

– Пароход видел! – сказал он, вытирая пот со лба.

– Далеко? – спросил Биля.

– Версты четыре, у входа в бухту. Якорь бросил.

– Да тот ли? Может, не наш, а какой-то другой?

– Тот. Крался, как волк.

– Название видел?

– Нет. Далеко. В трубу надо смотреть!

– Да тот это! – сказал Яков.

Али вдруг встал, молча разделся догола и бросился в море.

– В трубу смотреть. Может, он и погостил уже у них, – заметил Кравченко, неодобрительно наблюдая за тем, как Али саженками плыл от берега.

– Что ты там бухтишь опять, Николай Степанович? – спросил Биля.

– Да то и гуторю! Не со своими ли он черкесами заодно, которые по нам ударить собираются вместе с турками?

– Сколько их англичане ни мутили на то, но они так и не собрались. Как думаешь, почему?

– Силенок маловато было. Теперь в одну орду соберутся, да еще вместе с англичанином и французом.

– Нет, не соберутся. Им ведь и турок, и англичанин – одинаковый чужанин.

– Григорий Яковлевич, казак ведь и во сне шашку щупает. Проверить бы его надо, – заметил Чиж. – А то, неровен час, подведет он нас.

– Вот и проверим, – ответил ему Биля. – Яков, беги сей же

час за Емельяном. Садитесь вечером, станичники, а я пойду догляжу.

– Я с тобой! – заявил Яков и поднялся.

– Ты пока тут, у котла сил набирайся.

Сказав это, Биля встал и быстро пошел по берегу моря, туда, откуда прибежал Али, который теперь плыл размашистыми саженками.

6

Тонкие, сильные пальцы Ньюкомба крепко держали перо. Сидя за большим столом, он срисовывал рукоятку стилета в масштабе три к одному. Все его движения были безукоризненно точны, несмотря на то, что он не пользовался разлиновкой. Рукоятка стилета была наборной. Она состояла из множества тонких колец, по каждому из которых была разбросана какая-то странная насечка.

Слейтер и капитан «Таифа» сидели тут же, в кают-компании, примостившись около маленького складного столика, подпиравшего иллюминатор. Они беседовали между собой довольно тихо, но даже если бы кричали, то Ньюкомб, увлеченный своим занятием, едва ли слышал бы их. Под пером этого настоящего художника рукоятка стилета выходила даже совершеннее, чем была на самом деле.

Слейтер еще раз посмотрел в иллюминатор, за которым чернел недалекий берег.

– Так когда вы намерены возобновить путь, капитан? – спросил он.

– Пополним запасы пресной воды и уйдем. Думаю, не позднее завтрашнего утра.

– Нам не опасно здесь оставаться так долго?

– А чего нам опасаться? Если они появятся вдруг на берегу, то мы сразу уйдем. А если в море, то у русских нет ни одного корабля, который может догнать «Таиф».

– Я все равно поторопился бы. Вы закончили вашу живопись? – обратился Слейтер к Ньюкомбу.

– Совсем немного осталось, – ответил тот.

В кают-компанию вошел боцман.

– Сэр, в двух кабельтовых лодка. Похоже, рыбаки, – доложил он капитану.

Через минуту Слейтер, Ньюкомб, капитан и боцман стояли на мостике. Рулевой матрос бесстрастно смотрел перед собой.

Капитан опустил подзорную трубу.

– Да, это рыбаки. Они нас увидели и удирают, – сказал он.

– Я бы их не отпустил, – отозвался, чуть подумав, Слейтер.

– Пока мы спустим шлюпку, они уйдут. Мы можем легко разнести их двумя-тремя выстрелами, но тогда о нашем присутствии будет извещено все побережье на десять миль вокруг.

Капитан еще раз глянул в подзорную трубу. Рыбаки изо

всех сил гребли к берегу.

– Развернитесь к ним кормой, капитан, – сказал Ньюкомб.

«Таиф» начал выполнять этот маневр. Около пускового станка стоял Ньюкомб и заводил провода в чрево своих ракет.

Биля, Кравченко и Чиж лежали на уступе скалы среди можжевельника и наблюдали за происходящим.

– Уходят англичане? – спросил Кравченко.

– Нет. Якорь не выбрали, – ответил Биля.

– На корме чего-то гуртуются, – заметил Чиж.

Тем временем «Таиф» завершил поворот и остановился. Задняя стенка кормы неожиданно откинулась. Пластуны увидели Ньюкомба и ракетный станок.

В лодке налегали на весла четверо рыбаков. Седые волосы одного из них развевались по ветру. Еще двое были почти дети лет тринадцати-четырнадцати. Видимо, это были дед, отец и двое внуков.

С кормы «Таифа» сорвалась ракета, затем еще одна. Через мгновение на поверхности моря покачивались только мелкие обломки досок.

Кравченко обернулся к Биле. На лице у него было написано глубокое изумление. Чиж и вовсе приподнялся с открытым ртом, чтобы получше разглядеть то, что случилось в море.

– Это чем же они их таким? – спросил Кравченко.

– Конгринова ракета, – ответил Биля.

– А то мы ракет этих не видали! Но те летают в белый свет как в копеечку, а эти-то как точно легли. Да и заряд другой! Как обухом бухнули.

– Раз они по ним вдарили, значит, до утра не уйдут, – сказал Чиж.

Корма «Таифа» захлопнулась. С его правого борта матросы начали спускать шлюпку. Пластунам стало видно, что она загружена пустыми бочонками, которые болтались из стороны в сторону, когда перекашивались тали.

– За водой. Родник здесь, чуть пониже, – сказал Биля.

– Так получается, что они тут уже раньше бывали, – заметил Кравченко.

– Бывали, причем не раз.

– Прихватим их? – спросил Чиж.

– Нам не пощипать их надо, а бумаги взять, – ответил ему Биля. – Послали бы нам сегодня Господь Бог да святой Евстафий погоду пластунскую.

– Луна в ущербе, ночь темная будет, – посмотрев на небо, заметил Кравченко.

– Погода нужна такая, в какую только и можно счастливого окончания дела ожидать. Самая ужасная, – проговорил Чиж.

– Погоды мы ждать не можем.

– Близко подойдем, часовой услышит.

– А мы не сразу, потихонечку. Ты, Федя, ключины так салом протрави, чтобы они в нем плавали.

– Это само собой, какой разговор. Шума с собой не принесем. Но по воде!.. Раз плеснул веслом, и за версту слышать.

– Думаю, что подойти сможем, – чуть помолчав, сказал Биля. – Николай Степанович, ко всему своему набору снаряжай еще и «Бориску».

Солнце уже село в море, быстро опускались сумерки. У лодки, спущенной на воду, шли последние сборы пластунов. Они расстались с рыбацкой одеждой и были в своей, боевой.

Весла и лодка были покрашены черной краской, а нос ее обит жгутом, скрученным из рыбацкой одежды и хорошо просмоленным.

Кравченко передал Чижу бутылку, с которой возился недавно у костра. Пробка в ней была теперь снабжена ярлыком. Бутылка выглядела неотличимо от той, которую когда-то уложили в ящик с соломой руки виноторговца.

– Поставь где тебе лучше будет, – сказал Чижу Кравченко.

– Куда я ее дену-то? По диспозиции мне несподручно.

– Диспозиция! В кошель положи. Я тебе потом еще кое-что дам, насторожишь там.

– Бориска готов? – спросил Биля Кравченко.

Тот пустил край мешка и показал есаулу брандскугель – ядро, просверленное в разных местах, из которого торчали фитили из промасленной пакли. Рядом с ним стоял небольшой бочонок.

– Порошку вот у нас не особо много, – заметил Кравченко.

– Что ж ты мало пороху взял?

– Гуторили пароходик. А сие чудище, рекомое Левиафан! Но если будет нам божья помощь, то вот Борис Иванович – показал он на брендсугель – за нас порадеет.

Вернигора и Яков натягивали белые бечевки вдоль стволов своих штуцеров.

Вернигора закончил с этим, навел оружие на берег и сказал:

– Яша, ночью стрелять – на огонь не смотри! Глаз погасишь! Краем бери, наводи от света в темноту.

– Стрелять вам только в самом крайнем разе! Помните? К борту не подходить! – строго сказал Биля.

– Все будет как по-писаному, – отозвался Вернигора.

Биля, Кравченко и Али даже замерли от этих слов.

Черкес прекратил точить бруском шашку.

– Много говоришь, шайтана разбудишь! – недовольно заметил он.

– Ну-ка, Омелька, сплюнь три раза! – подхватил Кравченко.

Вернигора виновато сплюнул.

Али покачал головой и возобновил свое занятие.

– Штуцеры все зарядили? – спросил Биля.

– Точно так. Капсюли не ставили, – ответил Яков.

Есаул осмотрел два своих револьвера, проверил каморы на барабанах, залитые воском, взял штуцеры у Якова и Вернигоры, подошел к лодке, положил их к остальному оружию, склонился над ними и что-то быстро зашептал.

– Что это батя делает? – тихо спросил Яков у Кравченко.

– Характерство творит! Заговаривает винтовочки, просит их послужить нам.

Последние слова заговора Биля произнес чуть громче:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Есаул поднялся, взял в лодке заплечный мешок, достал из него чистую белую рубаху и стал переодеваться. Вслед за ним потянулись к своим мешкам и остальные пластуны.

Али с интересом посмотрел на товарищей, но переодеваться не стал. Он отошел в сторону и встал на колени, чтобы совершить молитву.

Ночной ветер сносил белесые облака к востоку. В их разрывах иногда показывались огромные южные звезды. На севере облаков не было, и там пламенел синей искрой Северный гвоздь – Полярная звезда.

Двое часовых ходили вдоль обоих бортов «Таифа», встречаясь то на носу, то на корме. На капитанском мостике горел фонарь. Там виднелась тень рулевого.

У якорной цепи всплыли Чиж и Биля. В зубах они держали короткие кавказские кинжалы. У Чижа к рукоятке была привязана удавка, шелковый шнур с деревянной ручкой. Пластуны начали бесшумно подниматься по якорной цепи. Кроме штанов и ноговиц на них ничего не было. В просвет облаков на секунду выглянула луна. В ее резком свете мелькнули глубокие шрамы на спинах Били и Чижа.

Яков и Вернигора сидели на веслах. Кравченко всматривался в огни «Таифа», который покачивался саженьях в ста от лодки. Рядом с Кравченко на носовой скамейке стояли его мешки и лежали два кольта Били. Пять штуцеров и винтовка Али находились на брезенте под ногами пластунов. Там же были и шашки в ножнах.

Часовой едва не наступил на Билю, лежавшего около канатной бухты, и пошел в сторону Чижа, который приготовился к прыжку за воротом якоря. Когда матрос оказался на полдороге между пластунами, Чиж и Биля одновременно поднялись. То, что они сделали дальше, было похоже на цирковой трюк. Не успел есаул подломить ноги часового сзади, как Чиж уже всадил ему под кадык кинжал, второй рукой успев поймать его короткий морской карабин. Пластуны оттащили свою жертву за канаты и разбежались вдоль борта в разные стороны.

Часовой, находившийся на другой стороне, что-то заметил на море, склонился над бортом и стал всматриваться в какую-то точку на волнах. За его спиной, как тень, возник Чиж, накинул ему на шею удавку и скрутил ее. Когда он аккуратно уложил часового вдоль борта, тот уже был мертв.

На мостике лежал вахтенный с перерезанным горлом. На его месте за штурвалом стоял Биля. Он поднял фонарь и дважды провел им слева направо.

Лодка пластунов тихо стукнулась о борт «Таифа», и в нее сразу упала веревочная лестница. Чиж на палубе принял у

Кравченко его мешок и бочонок с порохом, и оба они бесшумно исчезли где-то в недрах корабля. Али лег вдоль борта и замер. Яков оттолкнулся веслом от «Таифа», и лодка отошла от него.

Ньюкомб и Слейтер покачивались рядом в гамаках. Ньюкомб с детства спал с открытыми глазами. Полуприкрытые веки всегда придавали ему во сне вид мертвеца.

Чиж достал из брезентового кошель, висящего у него на шее, бутылку, с которой поработал Кравченко, и поставил ее в бар, среди других. Он перемещался совершенно бесшумно, один за другим вскрывал кинжалом шкафы и ящики, находящиеся в кают-компании. На столе лежала пара его пистолетов и еще один – с картечным раструбом. У двери с двумя кольцами в руках стоял Биля, посматривая в узкий коридор.

От удара свинцовой гирьки на сыромятном ремне машинист, дремлющий у топки, сначала ткнулся вперед, а потом стал заваливаться набок. Кравченко подхватил его и аккуратно положил на настил палубы. Затем он из-за двери втащил в кочегарку бочонок с порохом и свой мешок, достал из кармана часы и посмотрел на циферблат. Ему показалось, что секундная стрелка ползла по нему слишком уж медленно.

В это время Биля быстро просматривал бумаги, которые передавал ему Чиж. Самые важные документы есаул вернул ему и кивнул.

Чиж спрятал их в кошель и вскрыл еще один ящик. В нем

лежал стилет Ньюкомба. Казак обрадовался своей находке и сунул ее за пояс.

Биля махнул рукой – уходим. Чиж согласно кивнул, но тут же показал на пистолет с раструбом.

Горящие фитили брандсугеля, катящегося к открытой двери крьюйт-камеры, отбрасывали на стены «Таифа» злове- щие тени.

Кравченко было развернулся и хотел бежать по лестнице вверх, когда в коридоре промелькнул какой-то силуэт.

Ньюкомб захлопнул дверь крьюйт-камеры, ударом ноги от- швырнул брансдугель в сторону и выстрелил из своего ре- вольвера бельгийской системы Лефоше в Кравченко. Но тот уже успел вылететь на палубу.

После выстрела Ньюкомба на фрегате все словно на мгно- вение замерло и стало еще тише, но тут же лавина звуков разорвала ночь над «Таифом». Загрохотало множество ног, лязгнуло оружие, свисток боцмана заверещал из трюма, как испуганная птица.

Ньюкомб выскочил на палубу, ухватил за воротник мат- роса, пробегающего мимо него, и прорычал:

– Саблю!

Не дожидаясь ответа, он отобрал у оружие и одной рукой отбросил его далеко в сторону. Худощавое тело Ньюкомба работало, как стальная пружина.

С саблей в руке он бросился вперед, вдоль по борту.

Когда раздались первые выстрелы, лодка пластунов стоя-

ла под носом корабля.

– Стрелять будем, – прошептал Вернигора и тут же взялся за весла.

Яков вдруг вскочил, схватил шашку и, как кошка, взлетел по якорной цепи вверх.

Биля уже стрелял с двух рук из своих револьверов. Он работал на инстинктах, слегка прикрыв глаза. Иногда он словно спиной чувствовал угрозу, безошибочно разворачивался и всаживал пулю в очередного врага. Матросы «Таифа», вооруженные короткими карабинами с примкнутыми штыками и абордажными саблями, довольно бестолково скапливались в проходах и становились легкой добычей пластунов.

Выстрелом из пистолета-ножа Али сбил с ног одного англичанина, другой наткнулся на клинок и взвыл от боли. Черкес убрал пистолет в кобуру за спиной, выхватил шашку и первым же ударом наискосок развалил матроса, налетевшего на него.

Кравченко, которого враги загнали в трюм, упорно пробивался наверх, к палубе. В его руках английский карабин со штыком стал грозным оружием, но трупы на лестнице теперь только мешали ему.

Биля последний раз выстрелил из револьвера. Каморы барабанов на обоих теперь были пусты.

Вернигора, отогнав лодку сажень на двадцать пять от борта, менял заряженные штуцера и всаживал пулю за пулей в англичан, бегающих по палубе. Он выстрелил в последний

раз и принялся перезаряжать оружие.

В кают-компании «Таифа» было уже не повернуться от трупов, кричащих раненных и разбитой мебели.

Чижу приходил конец. Он отбивался стилетом Ньюкомба и стулом, который держал в левой руке.

Вдруг клинок шашки прорвал на груди мундир сначала одного матроса, напиравшего из дверей, а затем и второго. Яков прошел по их телам, ворвался в кают-компанию и срубил еще троих прежде, чем они поняли, что случилось.

Через открывшийся проход пластуны бросились на палубу.

Здесь Чиж с разгона перелетел ласточкой через борт и скрылся в черной воде. Англичане, подбежавшие к борту, дали безнадёжный залп туда, где только что скрылось его легкое худощавое тело. Яков замешкался и оказался один на один с Ньюкомбом.

По первым же движениям Якова тот понял, что их силы неравны. Англичанин фехтовал мастерски, в свое удовольствие, делал классические парады и выходил на удары в руку. После одной из его атак кровь хлынула из Якова ручьем.

Билия увидел только этот последний выпад Ньюкомба, но сразу понял его смертельную опасность. Англичанин знал, что делал. Он ударил во внутреннюю сторону руки Якова, повыше локтя.

Билия сжал зубы и стал пробиваться к сыну с капитанского мостика. Он теперь тоже держал в руках оружие врага –

короткий карабин со штыком.

Кравченко в изорванной в клочья одежде шаг за шагом поднимался по боковой лестнице к палубе. Казалось, что и одежда, и сам он весь был насквозь пропитан своей и чужой кровью.

Али с палубы видел его. Он поразил кинжалом очередного противника, поднял его над головой и швырнул в толпу матросов, наседавших на Кравченко.

– Сигай за борт! Яша, прыгай! – выкрикнул Биля, срывая голос.

Но Яков уже едва держался на ногах от утомления и потери крови.

Ньюкомб мог легко добить его, но почему-то медлил. Кончик его сабли сорвал с груди Якова цепочку, и образок Плакиды полетел на доски палубы.

Над головой Били поднялась сабля, но штуцерная пуля Вернигоры с хрустом вошла точно в затылок матроса. Тот не успел нанести удар, упал на перила, сломал их и рухнул прямо между Ньюкомбом и Яковым.

Кравченко был прижат к палубной переборке. Теперь англичане не спешили. Трое из них удерживали пластуна перед собой штыками. За ними в батальное положение быстро становились стрелки.

Их пальцы уже нащупывали спусковые крючки, когда за спиной Кравченко разлетелась надвое судовая переборка. Али схватил его двумя руками и увлек за борт. Пули англи-

чан разнесли остатки досок, но ни одна из них не попала в цель. Двух матросов, бросившихся было к месту падения, встретили точные выстрелы Вернигоры.

Тяжело дыша, Яков опустился на одно колено, но все еще держал шашку перед собой.

На помощь Ньюкомбу бежали несколько матросов, но тот уже выбил ногой шашку из рук Якова и выкрикнул:

– Этого возьмем живым! Ищите лодку на воде!

Над головой у Ньюкомба Биля оттолкнулся от края мостика, взлетел в воздух, снес в прыжке Якова и вместе с ним рухнул в море.

Струи крови из их ран расходились слоями в толще морской воды. Биля рванул сына под киль, чтобы вынырнуть с другой стороны «Таифа».

Ньюкомб сделал шаг назад и подобрал с палубы образок Якова.

У пушек в боевом трюме суетились расчеты. Капитан и Слейтер прохаживались тут же.

– Плохо видно! Пошел туман, – крикнул старый фейерверкер.

– Ничего, вот-вот рассветет. Стрелков на бак! – скомандовал капитан.

– Сэр, мы не можем высунуться. Какой-то дьявол отстреливает нас с воды, как куропадок, – отчеканил боцман.

– Фейерверкер, ставьте метку на вспышку и потопите этого стрелка!

В кают-компании Ньюкомб склонился над одним из убитых матросов, что-то увидел и одним рывком разорвал на нем рубаху. Между пятым и шестым ребром покойника горел вишневый треугольник раны, явно оставленный стилетом.

Ньюкомб бросился к ящику и дернул за ручку. Мелькнула тонкая бечевка, грохнул выстрел. Поток картечи разнес часть стола и вырвал клоч одежды из правого бока Ньюкомба. Вслед за этим на стол откуда-то упал старинный пистолет с раструбом.

Не обращая внимания на кожу, сорванную картечью, Ньюкомб еще раз дернул за ручку ящика и выдвинул его. Стилета в нем не было.

На «Таифе» раздался очередной вопль. Вернигора опустил штуцер. Белая бечевка на его стволе растянулась, и он поправил ее.

Бия из воды передал Якова в руки Али и Кравченко, потом и сам тяжело перевалился через борт.

– Чиж?.. – спросил он.

– Чижа нет, – ответил Кравченко.

– К берегу!

Пластуны взялись за весла.

В это время на «Таифе» раздался пушечный выстрел, и совсем рядом с лодкой вспенила воду картечь.

Бия осмотрелся и увидел полоску густого тумана, наполняющую с моря, до которой оставалось несколько сотен са-

женей.

– Браты, налегай, до хмары! – скомандовал он.

Пластуны погнали лодку прямо в море, в туман. Новый выстрел картечи сорвал с ее носа верхнюю доску. До спасительной серой стены казакам было еще далеко. Их лодка начала двигаться зигзагами, то ускоряя ход, то почти замирая на месте.

Старый фейерверкер на «Таифе», припавший к прицелу пушки, даже рассмеялся. Начинало светать и с востока быстро росла багровая полоса. На ее фоне лодка пластунов металась черной птицей.

– Пляшите-пляшите. Сейчас я вас накрою!

Фейерверкер уже поднял руку для команды, когда кто-то схватил ее и сжал, словно клещами. Это был Ньюкомб. Его лицо и бок были в крови.

– Не стрелять! – скомандовал он.

– Сэр? – с неудовольствием произнес капитан.

– У них ключ! Мы утопим его вместе с ними!

Пластуны гребли ровно, мощно, на пределе возможностей.

На носу лодки лежал на брезенте и бредил Яков.

– Плохая рана, надо перевязать, – бросил Али.

– Зайдем в туман, тогда уж. Налегай, казаки! – сказал Билля и сжал зубы.

– Пары подымает, – заметил Вернигора.

Стрельба с «Таифа» прекратилась. Из его трубы повалил

черный угольный дым.

– Ну, это мы сейчас посмотрим, как они подымут, – сказал Кравченко.

– Живыми нас хотят взять!

– Это мы еще посмотрим, кого они возьмут.

Слейтер, Ньюкомб и капитан с мостика всматривались в море. Ньюкомб присел на раскладной стул – санитарный матрос перевязывал ему рану набоку.

Лодка пластунов шла теперь к туману по прямой.

– А они не дураки, – заметил Ньюкомб.

– Мы их догоним через десять минут. Им не успеть, – произнес капитан.

Все тело Ньюкомба было устремлено вперед, напоминало резную фигуру, установленную на носу корабля. Санитар плеснул на рану из склянки спирт. На лице Ньюкомба не дрогнул ни один мускул.

В машинном отделении царила суэта. Звучали команды, щедро сдобренные проклятиями, пробегали чумазные, голые по пояс машинисты. Один из них резко поднял ручку паровой машины. Он не заметил, что от нее шла вниз тонкая бечевка. Щелкнул замок пистолета, вставленный на месте пробки бочонка.

Взрыв сотряс «Таиф». Ньюкомб, Слейтер и капитан едва удержались на ногах. Раздались истошные вопли.

– Спустить шлюпки! – распорядился Ньюкомб.

– Вы забываетесь, сэр! Командую здесь я! – заявил капи-

тан.

– Делайте то, что он говорит! – повелительно крикнул Слейтер.

– Мы сейчас пойдем на дно!

– Так тем более!

Кравченко напряженно смотрел на «Таиф». Фрегат стоял ровно, из трубы валил черный дым вперемешку с языками пламени.

Пластун с досады ударил кулаком по борту и заявил:

– Не перевернулся! Вдвое больше надо было пороха!

Матросы спускали шлюпку, еще одна уже выходила из-за левого борта «Таифа».

Биля взял Якова за руку. Тот был уже мертв.

Туман над морем становился гуще, окрашивался тяжелым багровым светом.

Пластуны отпустили весла, обнажили головы. Лодка своим ходом медленно вплыла в темноту тумана.

– Штуцеры заряжай! – дал команду Биля, выпустив руку сына.

Глаза его были закрыты. Он взял в руки штуцер, приоткрыл рот и слушал. Вдруг есаул вскинул ствол и выстрелил, не открывая глаз.

На передней шлюпке англичан за борт вывалился один из гребцов. Его сосед вскочил на ноги.

Вернигора мгновенно передал штуцер Биле, и тот снова выстрелил точно так же, с закрытыми глазами.

На дно шлюпки повалился моряк, вскочивший только что.

На лавке за ним кто-то гаркнул:

– Что за?..

Этот крикун тут же схватился за горло. Пуля пробила его прямо над кадыком.

В тумане плыл силуэт Били. Он сидел, опершись на штурцер левой рукой. Его лицо окаменело, глаза были закрыты. Молчаливый и слепой ангел смерти плыл в тумане, окрашенном кровью. Весла лодки были подняты, в ней не раздавалось ни одного звука.

На шлюпке Ньюкомба гребцы, оставшиеся в живых, еще раз попытались пошевелить веслами, но две новых пули глухо ударили в их тела. По дну шлюпки ползали раненные. Тогда же наконец-то повалились и те, кто уцелел.

Один только Ньюкомб сидел, как сфинкс на носу лодки.

К нему подполз боцман.

– Сэр, это не человек, а дьявол! Он стреляет на звук с расстояния в полмили! – прошептал Джекил.

– Все вы проклятые трусы! Я один догоню их!

Ньюкомб бросился на скамейку, к веслу, но пуля тут же ударила в его рукоятку, расщепила ее надвое, снесла уключину и срикошетила в воду. Руками, похожими на крючья, боцман стащил Ньюкомба вниз и прижал к доскам днища, пропитавшимся кровью. Очередная пуля, выпущенная Билей, прошила шлюпку насквозь рядом с их головами.

– Лежите смирно, сэр, если вам еще дорога жизнь, – почти беззвучно прошептал боцман прямо в ухо Ньюкомбу.

Лодка пластунов подходила к берегу. На камне уже сидел Чиж в мокрой одежде со стилетом Ньюкомба за поясом. На шее у него висел кошель с бумагами.

Теперь пластуны гребли медленно. На корме, держа Якова на руках и опустив голову, сидел Биля. Лодка заскребла о дно. Али и Кравченко перешагнули через борт и втащили ее на берег.

С Яковым на руках Биля шел по берегу, тяжело проваливаясь в гальку пляжа. Он сделал еще несколько шагов, рухнул на колени и опустил труп сына.

Пластуны молча стояли рядом с ним.

Али заметил за поясом у Чижа стилет. Он вдруг выхватил его, швырнул далеко в море и прорычал:

– Это кинжал шайтана! Он проклят!

Часть вторая

Рыбный мешок

1

Севастополь, Крым

Слегка хромая, Биля подходил ко двору, занятому полковником Кухаренко. Под папахой белела свежая полотняная повязка, на такой же тряпице висела его левая рука.

С лавки, стоявшей у ворот, поднялся и вытянулся Петр, вестовой Кухаренко.

– Его высокоблагородие у себя? – спросил его Биля.

– Так точно! На голубятню пошли. Депешу принимают.

Есаул прошел через двор.

Раздался лихой свист, и голубиная стая винтом взмыла в небо. Кухаренко стоял на лесенке, запрокинув голову. Он снова по-разбойничьи, раскатисто свистнул, подгоняя голубей.

Биля подошел к нему, вытянулся по стойке смирно.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

Полковник сбежал с лестницы и крепко обнял есаула.

– Григорий! Цел! Что?

Биля достал из-за пазухи пачку писем. Кухаренко почти

выхватил ее из его рук и стал одно за одним просматривать, бросая ненужные прямо на землю, себе под ноги. Вдруг он впился глазами в одну из этих бумаг, и лицо его осветилось.

Полковник поднял голову, еще раз пронзительно свистнул и проговорил:

– Значит, к нам! Евпатория! Гриша! Большое вы дело сделали! Проси чего хочешь! Кресты, это уж как Бог свят! Ну, пойдем, я оденусь, и до Хрулева отправимся!

– Яков Герасимович, разрешите мне домой отлучиться. Сына надо похоронить.

– Яша?! Крестник мой? Как?

– Убили моего Яшу. Саблей изрубили.

Кухаренко перекрестился.

– Поезжай, Гриша.

– Я один виноват, взял молодика. Без наказа он сунулся в самое пекло. А меня прижали. Не поспел я.

– Не терзай ты себя. Такова доля казачья.

– Один он у нас был. Не знаю, как матери скажу.

– Остальные как?

– Поранены.

– Пароход?

– При нас не утоп. Машину мы взорвали. Есть ли ход, не знаю.

– Лекаря прислать к вам?

– Мне лекарь не нужен. Да там пустое – кожу поздергивало. Одну пульку только и вынул, и ту из себя.

– Когда думаешь ехать?

– Сейчас. Погода жаркая.

– С Богом! Вернешься, сразу ко мне. Набросай мне только зараз, где вы с «Таифом» переведались. Нахименке дам знать. Может, накроет их.

Пластуны лежали по койкам, и только один Али поправлял конскую сбрую за столом. Ссадины покрывали его лицо, у виска пролегла ребристая дорожка свежего шрама.

Екатерина Романовна подала Кравченко кружку с водой. Он жадно стал пить. Хозяйка дома жалостливо обвела глазами пластунов.

Кравченко отдал ей кружку и повалился головой на седло, которое заменяло ему подушку.

– Не журишь, бабушка, дело наше боевое, – с трудом проговорил он.

– Какая я вам бабушка, Николай Степанович... Ужаси-то какие! Вон вас всех как покалечили, соколики мои.

– До свадьбы заживет, – отозвался со своей койки Чиж.

– Пойду коровку подою, молочка вам будет.

– Парное молоко, Екатерина Романовна, оно самое заживляющее, – заметил Чиж. – Только вы осторожней. Наш старшой ведь колдун.

– Он не колдун вовсе, а знахарь. Большого сердца человек. А то я колдунов не видала, – заявила Екатерина Романовна и вышла из горницы.

– Али Битербиевич! – позвал Кравченко.

Черкес поднял голову.

– Давеча ведь ты вынес меня. Спаси тебя Господь!

Али радостно улыбнулся.

– Сегодня – я, завтра – ты!

– Это как Бог свят!

На соседней койке раздались рыдания. Это плакал в голос Вернигора.

– Ну и чего ты разнюнился? – сурово спросил его Чиж.

– Яшу жалко! Я виноват! Не успел его тогда поймать! Сиганул на эту чепь проклятую...

Кают-компания «Таифа» уже была приведена в полный порядок, разбитые стекла вставлены, кровь смыта, но следы боя кое-где еще оставались в виде глубоких царапин на мебели. У стола сидели Ньюкомб, Слейтер и капитан «Таифа».

– Одного я точно убил. Это косо́й удар, он передается у нас в роду, режет артерию вот здесь. – Ньюкомб показал на внутреннюю часть руки выше локтя. – Кровь выливается на землю, как на бойне, остановить её невозможно, гибель противника гарантирована.

– Это очень серьезные люди, скажу я вам, джентльмены! Мы похоронили две дюжины из членов экипажа, еще столько же ранены. Если у них много таких бойцов, то нам придется несладко, – заметил капитан.

– Таких бойцов много не бывает! Тот, который стрелял в

тумане, скорее всего один на всем белом свете, – задумчиво ответил на это Ньюкомб.

В кают-компанию вошел боцман.

– Машина починена. Дает половину хода, – доложил он.

– Этого хватит. Вот и прекрасно, идем на соединение с эскадрой! Откупорите нам добрую бутылку вина, – приказал капитан.

Боцман подошел к бару, открыл его, немного поразмыслил и взял в руки ту самую, с которой поработал Кравченко.

– Севастополя мы, может быть, и не возьмем, зато Константинополь будет наш! – заявил Слейтер. – За это можно и выпить!

Боцман поставил бутылку на стол рядом с рисунками стилета, над которыми склонился Ньюкомб.

Тот поднял голову и передвинул рисунки подальше.

Боцман взялся за штопор.

– Турецкую добычу мы будем оборонять от русских особ. Нет никаких сомнений в том, что вся она попадет в наши руки! – заметил капитан.

Боцман вонзил штопор в пробку и начал вкручивать его.

– Ньюкомб, не расстраивайтесь, – проговорил Слейтер. – По счастью, вы все перерисовали. Должен признаться, вы поступили предусмотрительно!

– Рисунки нам помогут, но все ли это? Вдруг стилет необходим сам по себе? Неужели русские приходили сюда и за ним?

– Вы опять ударяетесь в мистику? Зачем он может им понадобиться? Разве что...

В это время из-под штопора над бутылкой начал подниматься дымок.

– Что за черт? – пробурчал боцман и остановился, но было уже поздно.

Бутылка вдруг лопнула, и в разные стороны плеснуло огнем. Одежда на боцмане и Ньюкомбе вспыхнула сразу в разных местах.

– Пожар! – истошно завопил капитан.

Боцман покатился по полу, стараясь сбить пламя.

Ньюкомб схватил со стола горящие рисунки стилета, выскочил из кают-компания. Он едва не сбил с ног вахтенного, бежавшего к ней, и в горячей одежде перемахнул через борт.

Правое крыло Кавказской линии, Кубань

По пыльной пустынной дороге тянулась телега, на которой под соломой стоял простой гроб. Возница на облучке, старый крестьянин, лениво щелкал вожжами. Позади телеги верхом ехал Биля.

Раздался стук копыт. Телегу нагнал Али, поравнялся с Билей, двинулся рядом.

– Будет ли доволен мой брат, если мы вместе совершим этот путь? – участливо спросил он, помолчав немного.

Так они ехали до позднего вечера.

Потом лошадь из телеги была выпряжена, загорелся ко-

стер. Возница повернулся к нему спиной, завернулся в армяк и уснул.

Али подбросил ветку в огонь. Сухая ветка вспыхнула как порох и затрещала.

– Этот кинжал погубил несколько родов, – проговорил черкес. – Старики рассказывают, что его завез к нам один латинянин из генуэзских купцов. Он покупал много рабов, больше всего – у татар, которые ходили в набеги на Московию. Есть бухта, которая называется Рыбный мешок, греки именуют ее Балаклавской. Там был невольничий рынок. Каждый день туда выгоняли по тысяче человек. Этот латинянин владел им. Все золото свое он спрятал в горах. По преданию, кинжал этот хранит дорогу к кладу. Но все люди, которые владели им, попадали в беду. Белый шайтан, который убил твоего сына, купил его в тот день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.